Юбилейный номер

№ 88

ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

1935 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

11-й год издания

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В этом году исполнилось десять лет существования нашего журнала: десять лет упорной и неутомимой борьбы с рабством, невежеством и приспособленчеством, десять лет служения великим идеалам. Во все эти годы „Дело Труда“ неизменно оставалось верным делу пролетарского освобождения и на его знамени, достаточно потрепаном в неравных боях, попрежнему продолжают гореть с первоначальной яркостью, как звезды в темную ночь, призывные и путеводные лозунги: СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, АНАРХИЯ и КОММУНИЗМ.

Вступая во второе десятилетие наш журнал поведет борьбу с еще большей энергией, с еще большей настойчивостью будет будить спящих и прозябающих в тягостной моральной и духовной дремоте.

Оставаясь попрежнему неизменно верным своей прежней линии поведения, журнал будет звать революционных рабочих, всех тех, в ком еще не заснула революционная совесть, не потеряна честь и достоинство человека и революционера, к об'единению с нами в целях борьбы за осуществление великих идеалов, в целях борьбы с капитализмом, государством, религией, невежеством, темнотой, аппатией и разочарованием; в целях борьбы с теми, которые, в погоне за поддержкой масс, демагогически потыкают их невежеству и плывут по течению, с теми, кто кощунственно топчет самые светлые идеалы человечества — идеалы свободы, равенства и солидарности. Мы уверены, что наш призыв будет услышен и что наша рука, дружественно протянутая, не останется висеть в воздухе без ответного братского пожатия.

* *
*

В истории русского анархического движения „Дело Труда“ является первым органом, просуществовавшим десять лет.

Своим появлением в свет и своим десятилетним существованием „Дело Труда“ обязано беззаветной преданности анархическому идеалу русских рабочих групп Соед. Штатов и Канады, которые в течении этих тяжелых десяти лет урывали из своего тощего заработка пятачки, гривенники и рубли на его поддержку, которые пестовали журнал, как любимое дитя, и не жалели ни сил, ни энергии для его развития и для его процветания. Тяжелый экономический кризис обрек на безработицу и нужду большинство членов групп нашей Федерацин, а забота о журнале не только не ослабла, но, наоборот, возросла и группы Федерации не только продолжали финансировать журнал, распространять его, не считаясь со своим отдыхом и временем, но, в целях расширения сферы его распространения, даже организовывали, год за годом, лекционные туры, чувствительно отражавшиеся, несмотря на ничтожные расходы, на бюджете членов групп.

Дух свободы не знает препятствий и творит чудеса. Этим духом и проникнуты все наши группы, поэтому они творят чудеса, поэтому они героически-стойки и не ослабевают в неравной борьбе.

Юбилей „Дела Труда“ есть, фактически, юбилей нашей славной Федерации, наших рабочих групп. Федерация — герой дня и все поздравления „Делу Труда“ есть поздравления Федерации, все заслуги „Дела Труда“ — заслуги Федерации.

Жертвенность идет рука об руку с убежденностью: там, где нет убежденности, там нет и жертвенности. Жертвенность — характерная черта нашей Федерации, следовательно, убежденность есть та сила, которая двигает ею.

Мы уверены, что эта сила с годами не ослабеет, а возрастет.

Да здравствует же наша Рабочая Федерация!

„ДЕЛО ТРУДА“

В 1931 году наша Федерация отметила десятилетие со дня смерти П. А. Кропоткина, великого анархиста и мыслителя, изданием большой книги: „П. А. Кропоткин и его учение“, а в настоящее время она справляет праздник десятилетнего существования своего органа „Дела Труда“.

Нашему органу вместе с Федерацией пришлось пережить в течении последних пяти лет немало тяжелых ударов. Первым тяжелым ударом, нанесенным большевистской реакцией нашему журналу, был отрыв от нашего журнала таких писателей анархистов как В. Худолей, Хархардин и А. А. Боровой, которых большевистская инквизиция заточила в тюрьмы и загнала в гиблые места ссылки. С установлением в России большевистской реакции, наша Федерация и наш журнал потеряли огромные моральные силы, которые ныне гибнут в большевистских казематах и застенках, и мы оказались оторванными от России. Это обстоятельство об'ясняет, между прочим, и некоторые пробелы в изданной нами книге: „П. А. Кропоткин и его учение“.

Вторым ударом для анархического движения вообще и для нас и нашего органа в частности, была смерть Марии Корн, которая сотрудничала в нашем журнале, снабжая его блестящими по форме и богатыми по содержанию теоретическими статьями. На журнале отразилась также и смерть многих других русских и иностранных анархистов.

Но несмотря на все эти тяжелые удары и испытания, мы и в настоящее время очень богаты сотрудниками — наш журнал богат морально. В нашем журнале сотрудничают такие международные деятели анархического движения как Рудольф Рокер, Христиан Корнелиссен, хотя мы и не разделяем взглядов последнего по многим вопросам; в журнале сотрудничают видные международные анархические писатели Августин Зухи, А. Мюллер-Ленинг, Сантильян, Пьеро, Карбо, Бенар и ряд других, которые время от времени присылают свои статьи.

„Дело Труда“ пользуется услугами такого талантливого журналиста как Филиппович, многие статьи которого великолепны, как, например, „Грядущая мировая бойня“, изданная отдельной брошюрой.

Благодаря существованию „Дела Труда“ наша Федерация провела немало успешных и полезных работ по пропаганде анархических идей. „Дело Труда“ успешно провело работу по очищению анархических идей от засорения: журнал смело и открыто разоблачал всяких самозванцев в анархическом движении Америки и Канады, а также и Аргентины, он вывел на чистую воду неверующих в осуществление анархизма „анархистов“, которые, под флагом анархизма, докатились до воспевания великих князей, а в настоящее время содействуют священнослужителям и „слетающимся“ младороссам. Это — огромная заслуга „Дела Труда“.

Если бы мы не имели „Дела Труда“, то это не было бы сделано и между нами не было бы такой солидарной спайки и мы не могли бы проводить в жизнь такие тяжелые работы, какие мы проводили.

Наш орган занял правильную позицию в вопросе „единого фронта“, этого единого заблуждения; он вполне правильно разоблачает с одинаковой силой большевиков и фашистов и тем помогает нашей Федерации успешно бороться со всеми врагами полного освобождения рабочего класса.

Наш журнал в этом отношении является единственным анархическим органом на русском языке.

„Дело Труда“ — это наш будильник, наша силовая станция, питающая нас энергией, и мы с каждым выходом в свет нового номера „Дела Труда“ чувствуем себя бодрее, поэтому, чем регулярнее будет выходить наш журнал, тем бодрее мы будем.

Рабочие, примыкающие к „Делу Труда“ и поддерживающие его материально и морально, а также и те, которые его редактируют, искренне верят в идею АНАРХИИ и празднуют ныне десятилетний юбилей своего органа с уверенностью в осуществление анархического коммунизма.

В. Новик.

Чикаго.

Препятствия на пути „Дела Труда“

(Десять лет борьбы)

В Соединенных Штатах до появления в свет „Дела Труда“ издавалось много анархических газет и журналов, которые создали свободнические традиции в русской колонии, живущие и поныне, несмотря на страшно неблагоприятные условия, в которых приходится продолжать эти традиции.

Самой ранней и большой газетой был „Голос Труда“, выражавший настроение и думы свыше десяти тысяч организованных в союзы русских рабочих. Одновременно с этой газетой выходили и другие, но они долго не существовали и не имели существенного влияния на основную массу русской рабочей колонии в Соединенных Штатах.

С переездом „Голоса Труда“ в Россию, в 1917 г., и с от'ездом в Россию сотен активных работников Союзов, анархическое движение в Соединенных Штатах было сильно подорвано, но оно еще имело достаточно сил, чтобы с успехом продолжать работу уехавших товарищей. Был организован Совет Рабочих Депутатов, в котором преобладающим элементом были „союзовцы“, т. е. анархисты. Орган Совета „Рабочий и Крестьянин“ находился под анархическим влиянием. После роспуска Совета и закрытия его органа, Федерация Союзов Русских Рабочих выпускала, в 1919 г., еженедельную газету „Хлеб и Воля“. После этой газеты стали выходить ежемесячный журнал „Волна“, орган федерации анархо-коммунистических групп, издававшийся нелегально, и легальная еженедельная газета „Американские Известия“. Палмеровские погромы Союзов Русских Рабочих нанесли тяжелый удар движению — сотни были депортированы и еще больше было посажено в тюрьмы. Движение было обескровлено, оно осталось без активных, выдержанных работников анархистов. Активные рядовые рабочие анархисты из Союзов решили не здаваться перед реакцией и продолжать печатную пропаганду анархизма, но сами они не могли вести печатные органы из-за недостаточной грамотности: пришлось прибегнуть к помощи „сочувствующих“, как Рубежанин. Эти „сочувствующие“ и явились элементом разложения нашего движения и извращения анархизма и создали „рассветовщину“, которая чуть было совсем не задушила наше движение в Соединенных Штатах. „Сочувствующие“ Рубежанины вкрались в доверие многих членов союзов и групп, а по мере ослабления деятельности на местах, ослаблялся контроль и росло влияние Рубежаниных, на помощь которым приехал, выписанный из России, „анархист“ Моравский, привезший с собою мистицизм, религиозность и национализм. Все это смешалось с коммерческими интересами и окрашивалось анархической фразеологией, потому что еще выгодно было называться анархистами. Под их влиянием, яко-бы в интересах широкой анархической пропаганды, союзы и группы согласились на издание ежедневной газеты. Таким образом из „Американских Известий“ выросла ежедневная газета „Рассвет“. Под влиянием „рассветовской“ головки, опять яко-бы в интересах широкой анархической пропаганды, многие союзы и группы были распущены и члены их были влиты во взаипомощные организации Р.О.О.В., где и погибли. С переводом газеты „Рассвет“ в Чикаго усилились коммерческие настроения, о пропаганде уже редко заикались. Газету стали подгонять под уровень отсталой части колонии, стали ликвидировать все, что хоть в отдаленной мере говорило о радикализме. Так, например, на одном из деловых собраний Чикагского Прогрессивного Клуба Рубежанин и Моравский внесли предложение переменить название Клуба на „Общество Рассвет“. На мой удивленный вопрос — Зачем это? — Рубежанин ответил:

— „Прогрессивный Клуб“ — звучит радикально. Нам нужна „бизнес ассошиейшен“.

Клуб ликвидировали. Только представитель меньшинства, тов. Новик, заявил, что Прогрессивный Клуб живет и будет жить.

Газета к этому времени (1925 г.) уже определенно отчаливала от анархизма и брала курс на то, чтобы стать, как определил тов. Максимов, „проводником русского фашизма“. Для этого исподволь подготовлялась почва, рабочих убеждали, что ежедневная газета не может быть выдержанной анархической газетой, что ей необходимы Биг-Бои, Калужины, Желтоноги и прочая „прогрессивная интеллигенция“.

Вот в эту пору и при таких условиях появился в Америке журнал „Дело Труда“, который издавался в Париже. Ясно, журнал критиковал и вскрывал неанархический характер направления „Рассвета“. Рассветовская головка увидела в нем своего врага и начала против него войну, которая продолжается и до сегодняшнего дня.

Я помню как на одном из деловых собраний Рубежанин заявил:

— Вот, у меня имеется маленький жур-

нальчик Аршинова — „Дело Труда“, который критикует нашу газету. Ему нужно дать ответ, но для этого нужно иметь свой журнал.

Я посоветовал ответить в газете.

— Нельзя в газете, категорически заявил Рубежанин, не дав никакого об'яснения этому „нельзя“.

С этого момента и начался раскол, вернее борьба за оздоровление анархического движения в Соединенных Штатах. Отсюда видно, что в основе этого раскола лежат не личные дрязги, как некоторые утверждали и утверждают, а глубокие идейные расхождения. Таким образом, на долю „Дела Труда“ выпала тяжелая задача защиты анархических идей и анархических традиций, насажденных вышеупомянутыми анархическими газетами и журналами. Эту борьбу пришлось вести не только с „Рассветом“, но и с созданным им журналом „Пробуждение“, который, наконец, отошел от „Рассвета“ и готов об'единиться с нашей, делотрудовской, Федерацией.

Это первое и главное препятствие — оно ныне, можно сказать, почти совсем устранено. Внутренний враг нашего движения оказался побежденным и выброшенным из движения навсегда.

Другое препятствие — внешний враг: большевики и всякие прочие „диктатурщики“, которые отравляют своими реакционными идеями умы русских рабочих в Соединенных Штатах и которые установили в России государственное крепостничество. Параллельно с борьбой против внутреннего врага, „Дело Труда“ вело еще более энергичную борьбу и против этого внешнего врага, разоблачая его на каждом шагу. Этот враг еще не разбит, но мы уверены, что он будет побежден скоро. Правда, одно время казалось, что этот враг нанес нашему движению непоправимый удар. Я имею в виду уход к большевикам первого редактора „Дела Труда“ Аршинова. Однако этот удар оказался ударом картонного меча — наша Федерация, несмотря на все ухищрения Аршинова, осталась на своих позициях, не потеряв ни единого члена. Попытки большевиков и рассветовцев использовать этот случай, чтобы **„угробить“** наше движение, потерпели полное поражение, враги были разбиты на-голову: „Рассвет“ ныне окончательно разоблачен, а журнал „Пробуждение“ порвал всякую связь с ним и высказывает желание сговориться с нами для об'единенной работы; большевики же, как показали лекционные поездки тов. Максимова, теряют симпатии русской колонии, которая снова начинает возвращаться к старым свободническим традициям, насажденным анархистами из Союзов Русских Рабочих.

„Платформа“, написанная Аршиновым еще до его перехода к большевикам, также являлась крупным препятствием на путях нашей Федерации — она усиливала наших врагов и ослабляла нас самих, ведя к внутреннему расколу. На Чикагской конференции 1930 г. Лазарев из шкуры лез, чтобы навязать „Платформу“ федерации, но здравый анархический инстинкт делегатов оказался победителем — „Платформа“ не была принята, а сам Лазарев, по примеру Аршинова, скоро с „Платформы“ скатился в рассветовское болото.

Тяжелый период журнал пережил когда он был, в результате полицейских преследований, переведен из Парижа в Чикаго. Редактором журнала попрежнему оставался Аршинов, но благодаря растоянию, разделявшему Париж от Чикаго, журнал, фактически, оставался без редактора. Прогрессивный Клуб обратился к тов. Максимову с просьбой взять на себя редактирование „Дела Труда“. Максимов ответил, что он — анархо-синдикалист, а в Федерации слишком сильное предубеждение к анархо-синдикализму, поэтому без предварительного согласия групп Федерации он не может взять на себя редактирование „Дела Труда“, ибо это может вызвать оппозицию и погубить журнал, а этого он допустить не желает. Группы приветствовали тов. Максимова за солидарность и готовность на безвозмездную работу по редактированию журнала.

Когда об этом узнали рассветовцы они повели усиленную кампанию против „Дела Труда“, настраивая членов федерации против Максимова: они называли его вторым Аршиновым, большевиком, натравливали против синдикализма, одним словом, делали все возможное, чтобы внести раздор в Федерацию и погубить ее. Мне лично говорили, что Максимов за один год загонит журнал в могилу. Эта кампания не имела успеха. Члены нашей Федерации не попались на эту удочку. В тов. Максимове наш Прогрессивный Клуб, например, видел не мистика, как Моравский, и не лицемера, как Рубежанин, а преданного своим идеям человека, человека, который проповедует теже идеи, что и мы — идеи АНАРХИИ и КОММУНИЗМА.

В течении всего времени „Рассвет“ и некоторые „пробужденцы“ были злейшими врагами „Дела Труда“ и не только ослабляли его борьбу с большевизмом, но даже играли ему на-руку. Большевики боролись с нами, анархистами, при помощи „Рассвета“, настойчиво считая его анархическим органом.

Например, когда наши товарищи распространяли журнал в публичных местах, то большевики нарочно задавали вопрос:

— Кто издает этот журнал?

— Анархисты...

— А-а, анархо-белогвардейцы, значит, которые об'единились в „Рассвете“ с генералами Баратовыми, попами Желтоногими и прочими контр-революционерами?..

— Позвольте, наш журнал не имеет ничего общего с ними.

— Они тоже называют себя анархистами, значит, все вы одного поля ягода...

В последние годы „Рассвет“ принял особенно реакционный характер. Чтобы раз и навсегда покончить со всякими разговорами, сближающими „Дело Труда“ с рассветовской реакцией, „Дело Труда“ вышло с убийственной для „Рассвета“ статьей: „Рассвет“ — проводник русского фашизма“, которая затем была издана брошюрой. Эта статья окончательно разоблачила „Рассвет“ и убила всякие разговоры, сближавшие наш журнал с газетой Моравского-Рубежанина. Такой же силы удар был нанесен и большевизму статьей: „Что обещали и что дали“, которая теперь издана по-английски брошюрой. Большевики, чтобы уберечь свою партию от разложения, запретили своим членам читать „Дело Труда“. Теперь большевики читают наш журнал украдкой, чтобы не видели главари.

Последняя вспышка „Рассвета“ против „Дела Труда“ имела место во время диспута Максимова с Девяткиным. Перед самым диспутом „Рассвет“ напечатал антисемитскую заметку некоего Харитонюка из Филадельфии, направленную против Максимова, а после диспута газета всячески старалась убедить читателей, что Максимов диспут проиграл, и даже пустила слухи, что Максимов был подкуплен большевиками, что его видели вместе с Девяткиным, сидящим за одним столом в каком то ресторане и т. д. Вся эта кампания лжи провалились: „Рассвет“ сам себя побил своей ложью: от него отвернулись даже многие „независимцы“. В конечном счете „Рассвет“ решил стать тем, чем он был все время: он, наконец, снял с себя маску, снял подзаголовок, который вводил в заблуждение многих рабочих и поставил другой, наиболее соответствующий его линии поведения. Теперь она уже не рабочая газета, а **„общественная газета“**, т. е. хозяйская газета. Теперь все знают, что газета принадлежит Моравскому-Рубежанину и что она не имеет никакой связи с рабочими организациями. Таким образом, после долгой борьбы „Дело Труда“ вышло победителем, преодолело все преграды, расчистило себе путь для борьбы с главными врагами рабочего класса — с капиталом, государством, фашизмом и большевизмом.

Товарищи рабочие, нам надо продолжать нашу борьбу и в дальнейшем со всеми врагами освобождения трудящихся масс — со всеми политиканами, монархистами, фашистами, рассветовцами, большевиками и капиталистами. Борьба наша может быть успешной только тогда, когда мы тесно сомкнем ряды вокруг „Дела Труда“. Вспомните, товарищи, сколько миллионов безработных в Америке и в других странах, сколько гибнет рабочих детей от туберкулеза, холода и голода; вспомните, как страдает трудовой класс в России, Германии, Австрии, Польше и в других странах диктатуры, а ведь всего этого можно избежать, если мы будем об'единяться вокруг таких журналов и газет как „Дело Труда“ и поведем усиленную работу за торжество АНАРХИИ и КОММУНИЗМА.

Будьте же готовы к борьбе и помните, что свобода и довольство не даются, а берутся! „Дело Труда“ есть могучее орудие борьбы в наших руках и мы должны его поддерживать с еще большим энтузиазмом, чем мы это делали на протяжении истекших десяти лет.

А. Луференко.

Чикаго.

Роль „Дела Труда“ в Северной Америке

Будущий историк русского анархического движения в Сев. Америке несомненно вынужден будет остановиться на нашем юбиляре — „Деле Труда“ и, ознакомившись с общей ситуацией нашего времени, с царившей и царящей еще социальной неразберихой, он несомненно будет поражен и удивлен, как это людям удалось в течении таких тяжелых десяти лет издавать анархический журнал.

В самом деле, если серьезно подумать, если разобраться в фактах и обстоятельствах нашей жизни за истекшие десять лет, то действительно приходишь к заключению, что тяжел был путь для работников „Дела Труда“: им приходилось все время плыть против течения. Кругом бушевали волны разочарования, потери веры в светлое будущее. Обман и предательство гордо шествовали в маске освободителей рабочего класса. Однако, несмотря на все это, „Дело Труда“ уверенно шло к своей цели, шаг за шагом — медленно, но верно — укрепляя свои позиции в деле отрезвления и просвещения рабочих масс, в деле разоблачения истинных намерений и целей как низвергнутых русских капиталистических классов, так и

большевистской бюрократии, пришедшей к власти под маской Социальной Революции и социализма.

В этом отношении „Дело Труда“ похож на странника, пришедшего к нам, в Северную Америку, с живой водой, которая многих оживила и освежила.

Когда-то сильное революционно-социалистическое русское движение в Америке разложилось под влиянием растления большевиками Русской Революции, ее идеалов, ее стремлений, и возродить это движение вновь представлялось неисполнимой мечтой. Однако „Делу Труда“ удалось пробить брешь в психологической реакции русской колонии и возобновить прекращенную было работу. Путь был тяжелый, но зато результаты его оправдывают затраченные усилия, поэтому, как бы тяжела не была работа по изданию журнала, она должна продолжаться и продолжаться с еще большими усилиями, с еще большей энергией и энтузиазмом. Тяжел путь в данный момент, но зато в будущем он будет легок — кто-то же должен начать работу по распашке целины!

Издание журнала приблизит время, когда трудовые массы снова всколыхнутся и уничтожат обман и предательство, когда они взметнутся огромной грозной волной, которая, разлившись по всему миру, смоет все формы эксплоатации и порабощения, очистит мир от хлама и создаст необходимые условия для строительства нового свободного равенственного общества. Итак, товарищи, не падайте духом, история работает на нас, победа останется за нами, а тебе, юбиляр, я желаю еще больше окрепнуть и продолжать начатую работу с еще большей энергией.

Продолжай же, „Дело Труда“, свою работу, работу ясности и определенности!

Б. Еленский.

„Дело Труда“ в Аргентине и Уругвае

Дорогие товарищи Делотрудовцы!

Мы, Группа Содействия „Делу Труда“ на Вижа Дель Серро в Монтевидео, Уругвай, сердечно приветствуем вас за вашу упорную и героическую работу в интересах угнетенного и гонимого человечества.

Десятилетняя работа, которую вы проделали и продолжаете делать есть то драгоценное семя, плоды которого спасут человечество от лишних, ненужных страданий и преждевременной смерти.

Для того, чтобы сделать понятным искренность нашего приветствия „Делу Труду“, мы считаем необходимым, хотя бы вкратце, указать на ту роль, которую в продолжении десяти лет играл и продолжает играть журнал „Дело Труда“ в Южной Америке.

Десять лет тому назад русское рабочее движение в Аргентине и в Уругвае из красивого и здорового начало превращаться в хилое и хаотическое. На сцене русского рабочего движения Южной Америки начала проявляться всякого рода „отсебятина“: всякий, так называемый, „рабочий интеллигент“ мечтал о завоевании симпатий рабочих и стать их руководителем. Это обстоятельство нанесло величайший удар движению и послужило сильнейшим тормозом для организационной работы. Движение пришло к концу, многие из недостаточно сознательных рабочих, разочаровавшись, ушли — началась полоса упадка. Наши „умники“, не сумев ничего сделать, разбежались по разным углам и начали обвинять друг друга. Но из тех золотых семян, посеянных десять лет тому назад, и которые продолжают сеяться и поныне „Делом Труда“, появились хорошие всходы и мы уже видим теперь не ростки, а стебли, которые скоро дадут свои плоды. „Дело Труда“ очистило атмосферу русского рабочего движения в Южной Америке от рассветовского тумана и всякого хаоса. Рабочее движение у нас восстанавливается, но восстанавливается оно не под влиянием болтунов и тщеславных людишек, а под влиянием идеалистов, столпов анархизма, мысли которых мы читаем на страницах журнала „Дело Труда“.

Мы, русские рабочие Южной Америки, не имеем в своей среде очень „умных“, но зато мы не имеем и очень „глупых“, которые создают себе всяких идолов и преклоняются перед ними.

Когда у рабочего просишь пятак в пользу „Дела Труда“ — он дает гривенник, а зачастую и полтинник, потому что он видит его заслуги, потому что „Дело Труда“ — борец против всякого шарлатанства, против всякого зла, против всех несправедливостей существующего строя жизни.

„Дело Труда“ — факел, освещающий путь социальной революции, ведущей к новой, красивой и гармоничной человеческой жизни на началах добровольного соглашения, поэтому мы, рабочие, всегда и всячески будем идти ему навстречу и будем делать все, чтобы „Дело Труда“ жило и продолжало борьбу за свободу всех угнетенных.

Секретарь группы
Содействия „Д. Т.“, Монтевидео, Уругвай
Як. Долин.

Июнь, 1935 г.

К десятилетию журнала „Дело Труда“

Десять лет издания журнала „Дело Труда“ это — десять лет упорной борьбы не только с системой порабощения, в форме черного, коричневого и красного фашизма, но и с дезорганизаторской язвой, укоренившейся на теле анархического движения. Не изжив еще ран палмеровщины, русское анархическое движение подверглось другому испытанию: в ряды анархического движения вторгнулись политические хулиганы с мистицизмом, национализмом, вплоть до антисемитизма. Захватив в свои руки анархическую прессу, они повели усиленную работу по разложению анархического движения. Необходим был орган, который бы об'единил идейных товарищей анархистов для борьбы с этой язвой, для борьбы с системой порабощения и, параллельно с этим, давал бы точное раз'яснение построения свободного общества на основах анархо-коммунизма. Таким органом и явился журнал „Дело Труда“, который стал тем звеном, вокруг которого об'единились лучшие работники анархического движения С. Ш. и Канады. Десятилетнее существование журнала „Дело Труда“ есть факт, подтверждающий правильность линии борьбы с существующей несправедливостью. Непоколебимость и правильность линии журнала „Дело Труда“ вытекает из точного и ясного самосознания самих анархистов, составляющих федерацию А. К. С. Ш. и Канады. Никакое ренегатство, которое так естественно на политической арене, не сможет нанести чувствительного удара анархическому движению, федерации, журналу „Дело Труда“. Что это так, это подтверждает ренегатство бывшего редактора журнала „Д. Т.“ Аршинова, который не смог увести за собою ни одного товарища из федерации. Это — неоценимая заслуга нашего юбиляра. Другая заслуга журнала „Д. Т.“ заключается в том, что он снял маску с дезорганизаторской язвы в анархическом движении. Еще один удар и русское анархическое движение совершенно будет восстановлено и с новой энергией, с еще большим энтузиазмом поведет оживленную работу.

Пожелаем же нашему юбиляру, журналу „Дело Труда“, продолжать наносить удар за ударом современной несправедливости, на которой зиждется современная система эксплоатации, на ряду с этим, продолжать быть об'единительным звеном и организатором революционной борьбы за свободу и равенство, за осуществление Анархо-Коммунизма.

Е. Бел.

„Дело Труда“ в Бразилии

Журнал „Дело Труда“ заслуживает большого внимания со стороны русской свободомыслящей колонии, поэтому мы считаем, что на нас лежит долг и обязанность отдать ему должное в день его десятилетнего юбилея. Десять лет существования для рабочего органа, в условиях послевоенной реакции и экономического кризиса, срок не маленький. Несмотря на преследование „Дела Труда“ и его идей капиталом и властью, он не склонил головы перед черной реакцией — он не только устоял перед ее напором, но еще больше морально окреп.

Десять лет „Дело Труда“ неутомимо сеет идеи свободы, равенства и братства всех народов; десять лет журнал крепко держит знамя свободы. За эти десять лет он успел проникнуть во все уголки земного шара, где только есть русские обездоленные труженики, жаждущие живого слова. „Дело Труда“ проникло и к нам, в наши темные и беспросветные трущобы далекой Бразилии. Здесь среди русских эмигрантов он находит симпатию и друзей, жаждущих живого слова и светлой правды.

„Дело Труда“ ведет борьбу против Государства и Капитала, против лжи государственно - деспотического коммунизма — марксизма. На этом пути нашему юбиляру пришлось преодолеть немало трудностей, даже пришлось перекочевать из Парижа в Чикаго.

Если бы не „Дело Труда“, то русское анархическое движение возможно совсем замерло бы заграницей.

Надеемся, что „Дело Труда“, вступив во второе десятилетие своего существования, еще с большей силой и решительностью будет бороться за анархо-коммунистические идеи, за идал свободного, неказарменного коммунизма. Многие лета нашему юбиляру и пожелание скорее стать ежемесячником большого формата.

Товарищеский привет дорогому юбиляру из далекой Бразилии.

И. Ильиченко.

Июнь, 1935 г.
Бразилия.

„Дело Труда" — разоблачитель лжи

В текущем году исполнилось десять лет со дня выхода первого номера „Дела Труда". Это крупное событие для революционного рабочего органа печати, существующего на трудовые гроши, и это событие нельзя не отметить. Правда, десять лет, с точки зрения вечности, срок не большой, но пережитое нами и нашим журналом десятилетие было жутким и тяжелым. Эта жуткость не изжита и теперь.

Капиталистический строй зашел в тупик и, как он не напрягает силы, выбраться из этого тупика он не может. Причина этому одна — нет справедливости. Ведь все страны легко могли бы выйти из создавшегося положения, если бы правители и капиталисты хотели этого, но они не хотят этого. По их мнению, выход один — война, к ней они и готовятся. Они устраивают всевозможные конференции, якобы для разоружения, а на самом деле посылают своих представителей на эти конференции только для того, чтобы кое-что вышпионить, т. е. узнать кто кого поддерживает, у кого больше вооруженных сил, одним словом, чтобы знать кто лучше подготовлен к войне. Вся эта безумная военная затея всей своей тяжестью ляжет на рабочих, поэтому задача рабочих не допустить до этого. Но при том состоянии, в котором находится рабочее движение в настоящее время, это трудно сделать, ибо уж слишком много опекунов над рабочими, которые кормят их всевозможными обещаниями, — одно другого лестней, — а когда добираются до власти — забывают рабочего.

После прошлой войны во многих великих державах переменились правители и системы правления, но экономический строй остался тем самым — рабско-эксплоататорским.

Не будем удивляться тому, что делают короли, да разные там монархи, посмотрите, что делают социалисты всех оттенков, которые добираются до власти. Возьмите, например, Россию. Там социалисты присвоили себе имя коммунистов, но это же ложь, они ничего общего не имеют с коммунизмом. А как они правят! Отняли всякую свободу, человека обезличили, держат людей впроголодь, расстреливают за малейшее преступление, расстреливают виновных и невинных. Назовем ли мы русских социалистов дикими, а германских фашистов национал-социалистами, разница между ними будет только в том, что русские социалисты расстреливают врагов и друзей, а германские расстреливают только друзей, врагам же отсекают головы топором. Одним словом, какие ни были бы правители цель у них одна — жить в свое удовольствие, а рабочих держать в рабстве, нищете и в темноте. Все правители стараются всеми способами одурманить ум рабочего, чтобы легче его эксплоатировать.

Но вечно длиться так не может, должен наступить конец всей этой вакханалии. Долг всех сознательных рабочих стараться ускорить конец всей этой несправедливости, а сделать это могут только анархо-коммунисты, ибо только они не стремятся к власти и не собираются завоевывать других народов. „Дело Труда" в течении десяти лет раз'ясняло все это трудящимся массам и бесстрашно разоблачало перед ними всю ложь государства и капитала. Пожелаем же нашему юбиляру полного успеха в полезной работе и с наступлением второго десятилетия об'единить вокруг себя все разрозненные анархо-коммунистические силы и с еще большей энергией работать на благо всего человечества.

В единении — сила!

С тов. приветом **О. Ульчик.**

Бетлегем, Па.

ДЕКАДА

Пройденная дорогим юбиляром, „Делом Труда", декада знаменует собою десять лет борьбы с мировым капитализмом и с закрепощением России Сталиным и государственнической „социализацией", которая, как вампир, сосет кровь народную. Кто осмелится или даже только подумает освободиться от этого кровососа-захребетника, того об'являют изменником и подвергают суровому наказанию, вплоть до расстрела. Дело Николаева — образец большевистского правосудия: он один убил Кирова, а расстреляли **сто двадцать четыре.** История показывает нам, что большевики перещеголяли всех известных в истории жестоких правителей, всех Иванов Грозных и стали образцом жестокости для Чай-Каншеков, зараз обезглавливающих по 800 человек. Гитлер, под сапогом которого стонет вся Германия, только ученик Ленина-Сталина в деле преследования и угнетения: концентрационные лагери, изоляторы, издевательства над личностью, уничтожение ее морально и физически при помощи топора, только бледное подражание большевизму, морально питающему

мировую реакцию. Это свойство большевизма вскрыло „Дело Труда“ — это большая его заслуга.

Перед лицом мировой реакции необходимо сплотить все анархические силы и начать об'единенную борьбу за свободу и равенство. Если бы это об'единение имело место раньше, тогда не было бы места ни большевистскому рабству, ни гитлеровскому деспотизму и наш юбиляр перешел бы от теории к практике и выходил бы ежедневно, а не как теперь, когда он принял характер вулкана и делает один взрыв в два месяца. Очень желательно, чтобы наш юбиляр участил свои взрывы и чтобы искры его жгли сердца людям ежемесячно.

Да здравствует наш юбиляр, „Дело Труда“!

Г. Гаровей

Лос-Анжелос, Кал.

ПРИВЕТСТВИЯ

Наше поздравление юбиляру — „Делу Труда“

Уважаемые товарищи: редактор, редакционная коллегия и сотрудники „Дела Труда“, поздравляем вас с десятилетним существованием анархо-коммунистического органа „Дело Труда“.

Мы преисполнены уважения к нашему юбиляру, а также и к вам, товарищи. От всего сердца мы приветствуем вас за вашу неустанную идейную работу и борьбу на путях прогресса. Будем надеяться, что и в дальнейшем вы останетесь верными и стойкими рыцарями принципа всемирного благоденствия, справедливости и свободы, т. е. принципа АНАРХИЗМА. При вашем усердном труде, при вашем сотрудничестве, при дружной и солидарной работе нашей Федерации журнал будет успешно продолжать идейную борьбу, смело шествовать по пути социальной справедливости и неустрашимо будет срывать покровы с социальной лжи, выдаваемой за истину.

Пусть же наш юбиляр, наше „Дело Труда“, в течении десяти лет проливавший свет в умы рабочих, еще десятки лет щедро разливает свет истины не только здесь, в эмиграции, но и в нашей стране, в России. Пусть на скромном юбилее „Дела Труда“ враги рабочего освобождения, желавшие видеть нашу Федерацию мертвой, увидят, что она живет и торжествует.

Да здравствует наш юбиляр, наше „Дело Труда!“

Да здравствует Федерация Анархо-Коммунистических Групп!

Да здравствует солидарность рабочего класса!

Да здравствует АНАРХИЯ и КОММУНИЗМ!

Группа Акрон, Огайо.

Приветствие Прогрессивного Землячества города Филадельфии

Прогрессивное Землячество гор. Филадельфии в связи с десятилетним существованием нашего светоча — революционного органа „Дела Труда“, горячо приветствует издателей, сотрудников, распространителей и читателей журнала „Дела Труда“.

В дни, когда на разлагающемся капитализме черные и красные фашисты стараются осуществлять свои реакционные фантазии, и тем затормозить движение трудящихся и всего человечества к полному освобождению; в дни, когда идеи и убеждения, во имя личного благополучия, меняются, как перчатки; в дни воскресающего зоологического национализма, милитаризма и средневекового католического мракобесия, мы с гордостью и радостью констатируем, что наш орган „Дело Труда“ высоко держит знамя борьбы и анархизма и, не склоняя его, плывет против течения черной и красной реакционной стихии, против пресмыкательства и рабства, как путеводная звезда. Пусть же и в будущем „Дело Труда“ будет путеводной звездой на пути к полному освобождению. Если следующая декада не приблизит нас вплотную к полному раскрепощению, т. е. к анархии, то, мы убеждены в этом, она отрезвит и пробудит народные массы, идущие ныне на поводу у разных политических шарлатанов. Пусть же „Дело Труда“, говоря словами Некрасова, „сеет разумное, доброе, вечное, за это скажет спасибо (ему) свободный народ“.

С товарищеским приветом

Прогрессивное Землячество.

Товарищеский привет „Делу Труда“

От имени Чикагской Секции Фонда Помощи Политическим Заключенным и Ссыльным Анархистам России при Международном Товариществе Рабочих шлем товарищеское поздравление „Делу Труда“ в связи с его десятилетним существованием.

Мы знаем, товарищи, при каких трудных обстоятельствах вам приходится работать, чтобы издавать журнал, но, несмотря на все эти трудности, вам удалось расчистить путь. Мы уверены, что недалек тот день, когда с вашей помощью нам удастся, наконец, окончательно сорвать маску с палачей Русской Революции и освободить ее борцов, которые вот уже второй десяток лет томятся в большевистских тюрьмах и ссылках, и широкие трудовые массы России будут благодарны вам и оценят вашу работу по заслугам.

Не ослабевайте же вашей борьбы за освобождение узников большевистского режима!

За Чикагскую Секцию Фонда Помощи Политическим Заключенным и Ссыльным Анархистам России при М.Т.Р.

Секретарь *Б. Еленский.*

Поздравление Саут-Сайдской Свободнической группы г. Чикаго

Товарищеский привет и поздравление „Делу Труда“ в связи с деятельностью его существования.

В мрачные дни реакции и диктатуры, когда редко слышится даже слабый голос свободы, те, кто борется за свои свободнические идеи, должны обладать достаточным мужеством, поэтому мы с величайшей радостью отмечаем, что журнал ведет мужественную борьбу за высокие принципы свободы.

Пусть же „Дело Труда“ процветает и продолжает свою превосходную работу в течении многих лет! Пусть он широко и далеко разносит благовесть анархо-коммунизма!

Саут-Сайдская Свободническая Группа.

Приветствие от Группы „Д. Т.“, г. Нью-Иорка

Уважаемые товарищи!

Зная, какие огромные трудности приходится преодолевать в издании идейного анархо-коммунистического органа, зная, каких хлопот и лишений это стоит и какого напряжения энергии требует и, оценивая героические усилия издательской группы, смело и честно несущей на себе всю тяжесть издания „Д. Т.“, ознакомляющего широкие рабочие массы с идеями безвластия, Нью-Иоркская группа горячо приветствует редакцию и сотрудников с десятилетним юбилеем и желает наилучших успехов в дальнейшей работе.

Нью-Иоркская Группа „Дело Труда“.

Приветствие Детроитской Группы

Детроитская группа „Дело Труда“ шлет горячий привет всем сотрудникам и работникам журнала „Дело Труда“ и желает им доброго здоровья и успеха в борьбе за светлое будущее — за АНАРХИЮ.

Секретарь Группы

Ф. Коваленко.

Приветствие Союза Российских Тружеников г. Монтреаля, Канада

Союз Российских Тружеников с радостью приветствует своего юбиляра — „Дело Труда“, которому исполнилось десять лет, Союз шлет сердечную благодарность Редакционной Коллегии и редактору, тов. Максимову, за их честную работу.

Надо отдать справедливость „Делу Труда“ — он единственный анархический русский журнал, который не изменил своим принципиальным позициям, несмотря на все перенесенные им в течении десяти лет нападки не только со стороны противников и врагов, но даже и со стороны своих идейных товарищей. Несмотря на все клеветы, „Дело Труда“ продолжает вести работу на чисто анархических основах, упорно борясь за освобождение рабочих и крестьян от ига капитала и власти.

Если даже „Дело Труда“ и совершало какие либо ошибки, то оно же само, с помощью членов Федерации, и исправляло их очень легко, потому что ошибки эти были неумышленными. Ошибки далает каждый, не делает ошибок только тот, кто вообще ничего не делает.

Итак, дорогие товарищи, продолжайте идти вперед и боритесь за полное освобождение от власти и капитала. Организуем русских рабочих вокруг „Дела Труда“ и создадим сильное революционное анархо-коммунистическое движение. Разовьем „Дело Труда“ в могучий орган анархо-коммунистического движения и да будет он для рабочих масс путеводной звездой в страну анархии и коммунизма.

Труженики должны знать, что только анархический коммунизм борется за полное освобождение всего человечества от капиталистического рабства и государственного угнетения. Труженики должны помнить, а „Дело Труда“ должно постоянно им напоминать, что никто не даст нам избавления ни бог, ни царь, ни компартия, а что мы добьемся освобождения только своей собственной рукой.

Да здравствует анархическая революция! Да здравствует полное освобождение рабочего люда от капитализма и всех властей!

Союз Российских Тружеников г. Монтреаля, Канада.

Свобода без социализма это — привилегия, несправедливость; а социализм без свободы это — рабство и скотство.

М. А. Бакунин.

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР.

К десятилетию „Дела Труда“

В кошмарно-кровавую эпоху, в эпоху варварского подавления всего свободного, как со стороны капитализма, так и со стороны реакционного большевизма, анархисты преследуются со свирепой жестокостью во всех странах и особенно в стране социализма — в С. С. С. Р. Полное торжество большевистской реакции сделало абсолютно невозможным пропаганду великих анархических идей в России. Но несмотря на большевистские зверства, некоторым товарищам удалось вырваться из цепких лап опричников, и по инициативе этих товарищей, десять лет тому назад, в Париже, стал издаваться наш дорогой юбиляр — „Дело Труда“, который для русских трудящихся, оказавшихся заграницей, стал светочем великого анархического идеала и бичем для всех угнетателей и эксплоататоров — капиталистических и социалистических: красных, черных, коричневых и белых. И мы от всего сердца желаем нашему юбиляру и в дальнейшем бичевать зло, откуда бы оно не исходило, и освещать пути великого, справедливого идеала АНАРХИИ.

Среди инициаторов журнала оказался волк в овечьей шкуре, который в данное время ползает на брюхе перед Всероссийским палачем — Сталиным. Это — Петр Аршинов, который пытался подточить здоровое дерево — „Дело Труда“. Но ему не удалось выполнить своего подлого замысла: честные революционеры скоро обнаружили его диктаторские замашки и выбросили из движения, чтобы эта зловредная бактерия не отравила здорового организма. Примеру Аршинова последовал только один Бондаренко. Юнгстаунские рабочие помнят как Бондаренко, читал лекции и бичевал узурпаторов-большевиков. Этот гражданин поехал лизать сапоги Сталина, но это занятие оказалось ему не по вкусу и он бежал из советского рая обратно в капиталистический ад. Большевики хотели использовать этих двух отступников, чтобы погубить „Дело Труда“, но честные рабочие революционеры успешно отбили большевистские аттаки и „Дело Труда“ продолжает выполнять полезную революционную работу, об'единяя вокруг себя искренних и преданных делу освобождения рабочего класса русских рабочих Соединенных Штатов и Канады.

Десятилетняя борьба „Дела Труда“ со всеми паразитами и эксплоататорами показала русским рабочим, что „Дело Труда“ есть единственный орган, вокруг которого должны организовываться все честные революционеры.

„Дело Труда“ является действительным проводником великой гуманитарной идеи — Анархии, вне которой не может быть свободного и равенственного общества, поэтому долг всех честных революционеров поддерживать „Дело Труда“.

Да здравствует наш юбиляр!

Группа Рабочих Юнгстауна, О.

Приветствие Группы „Дела Труда“ гор. Лос-Анжелоса

По поручению нашей Группы „Дело Труда“ гор. Лос-Анжелоса, шлю сердечное приветствие журналу „Дело Труда“, по поводу его десятилетнего существования и выражаю надежду нашей группы, что „Дело Труда“ просуществует еще не один десяток лет. Группа шлет привет тов. редактору и всем товарищам, работающим в журнале и для журнала, и желает им полного успеха в их справедливой борьбе.

И. Кармазин.

Поздравление из Мериланда

Дорогие товарищи!

На юбилейный номер нашего органа, „Дело Труда“, шлю свой скудный дар — ДВА ДОЛЛАРА. Очень печально, что не могу больше: при малом заработке большие расходы . . .

Эта сумма очень ничтожна в сравнении с тем великим делом, которое вы предпринимаете — выпуск юбилейного номера в увеличенном размере, но на ум приходит наша старая поговорка: с каждого по нитке — голому рабашка . . . Хочется верить, что на это дело откликнутся группы и отдельные товарищи, ибо это дело очень важное. Дорогие товарищи, журнал „Дело Труда“, несмотря на его маленький размер, есть гигант, рыцарь, смелый вождь как в деле разрушения старого, гнилого, так и в строительстве нового общества на безвластнических основах. Он вдохновитель самых высоких целей, он вдохновляет нас в борьбе и правильно освещает путь к светлому будущему.

Живя в провинции, в дали от мира, человек чувствует себя одиноким, заброшенным, смущенным, но, когда приходит журнал, человек сейчас же оживает: читая журнал, он сливается с миром, перестает чувствовать свою оторванность, заброшенность, вырастают силы, поднимается дух. И это потому, что журнал „Дело Труда“ как раз знает, что накопилось в душе, и как раз подходит к нашему понятию, к нашему чувству, к нашему сердцу.

Шлю сердечное поздравление нашему юбиляру, устроителям юбилея и особенно Редакционной Коллегии, ибо знаю, что члены ее жертвуют своим трудом для журнала. Желаю великого успеха в великом деле.

С товарищеским приветом

Петр Ф. Кунавич.

Приветствую вас, товарищи!

Дорогие товарищи!

С чувством великой радости мы встречаем юбилей журнала „Дело Труда“. Позвольте же мне поздравить вас с десятилетием выхода журнала „Дело Труда“.

Приветствую вас, товарищи, и жму ваши братские руки за то, что вы, несмотря на все насилия и издевательства со стороны врага рабочего класса, не растеряли в это тяжелое время свои идеи и не выпустили из рук нашего Черного Знамени, знамени — анархизма.

С. Феденко.

Бетлегем, Па.

Много лет дальнейшего существования

Десятилетний юбилей „Дела Труда“ — необычайное явление и его юбилей не похож на другие юбилеи: юбилей „Дела Труда“ заслуживает особого внимания со стороны трудящихся и угнетенных всего мира, ибо в течении этих десяти лет „Дело Труда“ вело стойкую борьбу со врагами рабочего класса. Юбилей журнала, я уверен, радостно отразится в сердцах порабощенного класса, ибо „Дело Труда“, как неугасающий факел свободы, освещал тернистый путь к братству, равенству, любви и к свободе. Я уверен, что каждый угнетенный, каждый отверженный и нуждою гонимый вместе со мною сердечно пожелает этому бойцу за свободу, этому двигателю и побудителю к социальному творчеству много лет дальнейшего существования.

Н. Феденко.

Бетлегем, Па.

Привет „Делу Труда“ из Канады

Я начал интересоваться „Делом Труда“ еще тогда, когда он выходил в Париже, во Франции. Каждый номер, попадавший мне в руки, я перечитывал с большим вниманием и находил в нем много мыслей, которые совпадали с моими собственными; я начал понимать, что „Дело Труда“ — друг рабочих, учитель, который указывал правильный путь борьбы с властью и капиталом.

Помимо этих задач, которые прекрасно разрешались „Делом Труда“ в истекшее десятилетие, перед ним, помоему, стоят еще более трудные задачи — это задачи об'единения вокруг себя прогрессивных рабочих и повести энергичную борьбу против всяких диктатур. Мы видим, что надвинулись темные тучи, фашизм бушует, Европа стонет под каблуком разных диктатур и даже в Америке капиталисты делают все, чтобы обмануть рабочих и зажать их посильнее.

На эту борьбу „Дело Труда“ должен отдать всю свою энергию.

Братья, рабочие, проснемся, откроем глаза, об'единимся в одну братскую семью вокруг „Дела Труда“, проводника братства и любви.

Приветствую тебя, будильник спящих, рассадник братства и любви! Приветствую тебя, борец за правду и свободу, за вольный строй, за анархию!

С. Филиппов.

Велланд, Онт.
Канада.

Мой привет юбиляру

Уважаемые товарищи из „Дела Труда!“

С искренней радостью узнал я, что вы, в ознаменовании десятилетнего существования журала „Дело Труда“, выпускаете юбилейный номер. Десять лет издания анархического органа по истине является нашим праздником и радостью.

Пожелаю вам, товарищи-работники, а также и вам, сотрудники и читатели „Дела Труда“, и в будущем работать, не покладая рук, за торжество идей анархического

Товарищи, разите гитлеризм прямо в сердце—бойкотируйте германские товары.

Боритесь с милитаризмом — не покупайте японских и итальянских товаров.

коммунизма, бороться со всякими мракобесием, религиозностью, национализмом, с красным и черным фашизмом и с рассветовским засорением анархизма. Пожелаю вам в будущем об'единиться с теми аархистами, которые еще не потеряли анархического облика, и еще энергичнее повести работу по распространению идей анархизма.

Иван Беззубый.

Филадельфия, Па.

Да живет „Дело Труда!“

В 1925 году вышел первый номер нашего боевого органа „Дела Труда“, который с тех пор, вот уже десять лет, мужественно стоит на своем посту и защищает идеи, без которых рабочий класс больше не может жить, т. е. идеи анархии и коммунизма.

Мы выражаем надежду, что все те товарищи и рабочие, которые сознательно или бессознательно вели усиленную борьбу против „Дела Труда“, слушая ложь мистиков и лицемеров из „Рассвета“, монархистов и фашистов из новой эмиграции или красных фашистов из „Нового Мира“ осознают свои ошибки и об'единятся вокруг „Дела Труда“ в одну боевую Федерацию и с еще большей энергией поведут борьбу против всякой реакции за торжество рабочих идеалов — анархии и коммунизма.

Шлем горячий привет всем читателям „Дела Труда“, его сотрудникам, редактору Г. Максимову, а также и всей Федерации.

Товарищи, будем и в дальнейшем вести неослабную борьбу за наши безвластнические идеи. Будем дорожить нашим юбиляром и всячески его поддерживать.

Да здравствует анархия!

А. Луференко, Е. Коваль, Л. Фейгина, Вера Л., С. Фейгина, Л. Вашинский, М. Митчель.

Почти двадцать лет спустя

(Для юбилейного издания)

1917 год. Война в полном разгаре; и в это время народ, который обманывали, надували, мучили в течение столетий, восстал дружно, сразу и опрокинул древний трон Романовых.

Два крика: **революция и мир,** несутся от одного конца Европы к другому. Скоро этими криками должен наполниться весь мир.

Загорается грандиозная надежда. Все отверженные мира выпрямляют свои спины и смотрят прямо в глаза угнетающим их тиранам, готовые ринуться в бой за свободу.

Там, на краю Европы, народ, охваченный грозным восстанием, ищет пути. Уже свободный, он еще колеблется. Он еще не достаточно верит в свои собственные силы, чтобы решиться окончательно выбросить за борт все свое прошлое. Он еще так ошеломлен всем происшедшим, что не сумел сразу сбросить с себя все свои путы. Наивный, юный душою, народ этот думает, что возможно поставить над собой повелителей лучших, чем прежние; он верит в демократию, пороки которой ему еще неизвестны. Власть находится в руках социалистов с Керенским во главе.

Это лишь начало революции, первая ступень, ведущая к свободе; но от этого еще далеко до мира и полного освобождения.

Союзные державы, и прежде всего Франция, делегировали туда, к главному светочу новой России, военных посланцев, политических единомышленников Керенского.

Кашену, Мутэ, Лафону удается убедить главу русского социалистического правительства — такого же социалиста, как и они сами — что России необходимо продолжать войну.

Благодаря этому на фронте еще продолжают сражаться несколько месяцев, от апреля до октября.

Затем вдруг, осознав вполне свои судьбы, русский народ сметает Керенского, как он смел Николая II и его клику.

Начинается грандиозное октябрьское движение. На этот раз рассчитывают добиться уже мира и настоящей революции; так, по крайней мере, думает этот чудный русский народ.

Мир? Да, он заключен и притом почти немедленно.

Революция? Всем казалось, что она уже окончательно совершилась, когда исчезали один за другим все следы прошлого.

Чтобы одержать победу об'единились все силы. Советы, — наследие 1905 года, возникают повсюду. Во всей огромной России жизнь организуется лихорадочно, вполне свободно.

Союзники, друзья старого порядка, поставщики и кредиторы павшего режима, озлобленные и обманутые в своих надеждах, дрожащие от страха, организуют борьбу против нового, рабочего режима.

Они организуют экономическую и военную блокаду, снаряжают и отправляют одну экспедицию за другой, чтобы сломить, как это было сделано в 1793 году, сопротивление этого освобожденного народа, желающего жить.

Юденич, Деникин, Колчак, побежденные и раздавленные один за другим, вынуждены прекратить борьбу.

Успех революции в борьбе против внутренних и внешних врагов становится все более и более решительным.

Однако не всех врагов удается победить. Есть и ловкие враги, решившиеся действовать заодно со всеми, чтобы обеспечить общее спасение и собственную

свою победу. Эти враги, большевики, не верят в принцип свободной организации, в здоровое нравственное чутье народа. Они помешаны на власти, на господстве. В течении многих лет они грызли свои удила в изгнании, споря и ссорясь друг с другом.

Им кажется, что наступил момент для захвата власти. Они без особого труда избавляются от своих вчерашних союзников, недостаточно об'единенных и слишком легковерных. Они скоро оказываются господами положения и показывают это с присущей им свирепостью.

От народных советов вскоре ничего не остается, кроме карикатуры. Для того, чтобы добиться этого, понадобилось всего два года. Тысячи противников засаживаются в тюрьмы, изгоняются из страны, отправляются в ссылку.

Военный коммунизм сменяется „Нэпом", а затем делаются первые попытки снова войти в семью капиталистических держав. Наступает время генуэзской конференции. Революция идет на убыль, Чичерин вступает в переговоры с Европой, старается заключить договор с Германией, беседует с Ватиканом. Банкиры и капиталисты-промышленники всего мира снова приободряются и вступают в общение с новой Россией.

Врагу делаются все новые и новые уступки, в то время как в Кремле продолжают проповедовать всемирную революцию. Реакционерам позволяют подавить немецких пролетариев, поверивших слову, данному Коминтерном и Профинтерном.

Бутырки и Суздаль переполнены заключенными: синдикалистами, анархистами, оппозиционно-настроенными коммунистами; Соловки принимают в свои ледяные об'ятия наиболее упорных и сознательных из них.

Революция пожирает наилучших слуг своих. И с тех пор она так и не прекращает этого самопожирания.

Этот новый режим, на минуту пошатнувшийся, укрепляет свою власть с безжалостной жестокостью ... и добывает денежные средства для своего существования ценой заигрыванья с врагами рабочего класса.

Этот режим оправдывает свой „временный" характер тем, что против него устраиваются заговоры; на самом же деле он хочет утвердиться окончательно. Под видом переговоров он подготовляет капитуляцию. Он сжигает прошлое, чтобы обеспечить за собой настоящее.

Создавши во всех странах совершенно новые синдикальные и политические движения, которые он направляет как ему выгодно, разрушивши все, разбивши все, режим этот резко изменяет свою игру. Представители советского режима появляются снова на сцене в Женеве. Они, рядом с представителями капиталистических правительств всего мира, в Международном Бюро Труда как **свои.** Наступает эпоха всевозможных договоров со всеми, кто только согласен их подписать; это — возврат к всегдашней политике старой России. Это — отказ от всех завоеваний революций ... ради сохранения за собою власти.

Заключение союза с французскими империалистами, устремление в сторону националистической войны — это измена всем принципам коммунистического учения.

1935 год. Революция отжила свой век. От нея уже давно осталось одно только воспоминание.

Настоящую революцию, **социальную революцию,** еще надо совершить. Эта революция будет направлена против вчерашних лжереволюционеров, против новых хозяев, поработивших молодую Россию.

Эта революция будет делом всех рабочих, как городских, так и сельских, всех изгнанников, всех засаженных в тюрьмы и отправленных в ссылку, которые еще раз совершат побеги из тюрем, каторг, всех воинствующих революционеров, изгнанных железным режимом коммунистов-государственников. Эта революция будет делом миллионов крестьян и рабочих, переживших долгие и жестокие страдания и приобревших ценою этого опыта, ценою борьбы против власти, классовое сознание и те способности, в которых нуждается рабочий; она будет делом всех, эксплуатируемых государственным капитализмом, который, как и всякий вообще капитализм, подчинил человека машине, личность — государству.

Наши русские братья могут быть уверены в том, что их товарищи, живущие во всех странах и следящия с прискорбием за длинным мартирологом русского народа, равно как и все Международное Товарищсетво Рабочих, готовы оказать им всяческое содействие.

В России, как и повсюду, коммунизм Бакунина и Кропоткина восторжествует над зверским режимом марксизма.

И это наверно случится раньше, чем некоторые предполагают.

Пьер Бенар.

Париж.

Всякая диктатура — деспотизм: разоблачайте большевистскую диктатуру и боритесь против нее.

Наш идеал свободного коммунизма

Мне кажется, что, в связи с десятилетней годовщиной издания журнала „Дело Труда“, будет полезным еще раз резюмировать основные черты нашего идеала свободного коммунизма.

Я остановлюсь лишь на самых основных его положениях. Человеческое общество представляет собою — да и всегда будет представлять—как бы мозаичный рисунок, состоящий из самых разнообразных форм существования. „Все есть во всем“, говорил один древний китайский философ, Лаодзе. Поэтому невозможно понять столь сложный состав какой-либо цивилизации, если не отдашь себе отчета в том, что в ней неизбежно наблюдается одновременно большое разнообразие форм, переплетающихся друг с другом и в совокупности своей составляющих мозаику человеческого общества.

Форма общества, развившаяся в направлении коммунизма, будет различна, вопервых, в зависимости от того, в какой стране — или даже в каком районе ее — она развилась. Она не могла бы оказаться одинаковой в Испании и в России; она будет также различна в разных странах Западной Европы, например, в Испании и во Франции, или, тем более, в Англии. В Соединенных Штатах она примет совершенно особый американский характер, отличный от того характера, который она будет иметь на европейском материке.

Что касается организации производства, то в анархо-коммунистическом обществе оно будет различно также в разных отраслях промышленности; а организация потребления будет различаться, смотря по роду предметов потребления. Ни при какой форме цивилизации нельзя будет предоставить персоналу электрических станций или железных дорог, или авиаторам такую же свободу действия, какая может быть предоставлена лицам, занимающимся земледелием. Ибо во всякой области промышленной деятельности, в которой нарушение известных правил привело бы к опасности для человеческих жизней, необходимо установление более строгой дисциплины.

Наконец, коммунистическая цивилизация представляет собою развивающийся организм, так как все в природе развивается. Поэтому не надо забывать, что эта цивилизация, как развившаяся из предшествовавшей ей капиталистической цивилизации, еще в течении десятков, если даже не сотен, лет будет всюду носить на себе следы своего происхождneия. Поэтому невозможно было бы формулировать основные принципы анархо-коммунистической цивилизации, не допуская при этом необходимости **переходного периода**, во время которого нравы и обычаи прежней капиталистической цивилизации будут еще оказывать сильное влияние на все коммунистические учреждения.

Точно также, если мы хотим судить о том, возможно ли теперь осуществить идеал анархо-коммун. или приблизиться к его осуществлению, то нам надо будет считаться с фактами, а именно, не следует не дооценивать могущество наших главных противников, т. е. капиталистов, являющихся организаторами промышленного производства, транспорта и торговли, крупных земельных собственников, высших представителей духовенства, стоящих на стороне капиталистов и земельной аристократии и государство, являющееся орудием в руках господствующих классов.

Трудящиеся массы, конечно, обладают одним реальным преимуществом — численным превосходством. Но зато у капиталистов и крупных землевладельцев есть также преимущество: а именно то, что они обладают продолжительным опытом — иногда ставшим даже рутиною — в деле управления промышленными, торговыми и земледельческими предприятиями, путями сообщения, средствами транспорта и общественной администрацией.

Вследствие всех этих соображений мы можем лишь наметить в общих чертах ход развития анархо-коммунистического общества, оставляя необходимый простор влиянию всякого рода особых факторов исторического, этнического, национального и даже чисто местного характера.

* * *

Идеалом анархо-коммунистического общества является осуществление такой формы общественной жизни, которая может быть охарактеризована следующей формулой: „всякому по его потребностям, от всякого по его способностям“.

Доказательство того, что человечество будет в состоянии приближаться **все более и более** к этому идеалу, можно видеть в существующей и в настоящее время форме общественности, а именно, в **семье.** И в наше время счастливая семья, образцовая семья — будь то семья богатая или бедная — представляет собою строго коммунистическую, в указанном выше смысле слова, ячейку общества. Режим, сообразно которому люди живут и работают в такой семье, может быть охарактеризован так: „один за всех и все за одного“. Наиболее сильные, наиболее умные содержат детей и стариков, и, в свою очередь, получают поддержку от других членов семьи, если им самим случится заболеть или если

они состарятся..

Однако принцип, формулированный выше, мы можем признать осуществимым для всего общества лишь в отдаленном будущем.

Предположим, что мы сказали бы искреннему христианину — есть ведь и таковые — что строгое применение евангельского принципа: „если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую“, было бы нелепо и, принимая во внимание характер тех людей, с которыми нам приходится иметь дело, даже привело бы к результатам прямо противуположным тем, на которые надеются христиане. Верующий христианин, если он умный человек, ответил бы нам на это: „я прекрасно знаю это, но я смотрю на этот христианский принцип, как на отдаленный идеал совершенной любви — идеал, осуществление которого, большинством людей нашего времени, конечно, нельзя ожидать, но к которому нам все же надо стараться приблизиться насколько возможно и в направлении которого мы должны совершенствоваться“.

Подобным же образом мы понимаем и идеал строгого коммунизма. Мы прекрасно знаем, что в настоящее время такой общественный режим, который не требовал бы того, чтобы добросовестная работа всякого взрослого и здорового мужчины или всякой трудоспособной женщины возмещала затраты, на присваемые ими предметы потребления — что подобный режим встретился бы с непреодолимыми практическими затруднениями. Так будет до тех пор, пока человеческая природа не изменится коренным образом в направлении альтруизма.

Как раз среди рабочих разных стран мне пришлось встретить самых ярых, я сказал бы даже фанатичных, сторонников режима, основанного на том принципе, что „тот, кто не трудится, не должен и есть“. Это об'ясняется тем, что рабочие всех лучше понимают, что жизнь трудна, что природа ничего не дает даром, без того, чтобы человек не приложил свои усилия, и что лентяй, заставляющий других работать на себя, злоупотребляет их податливостью.

После более сорока лет специального изучения экономических вопросов и практических экспериментов на поприще международного рабочего движения, я лично не предвижу в близком будущем для **строгого коммунизма** успеха нигде, за исключением некоторых очень специальных областей производства и потребления, и там, где мы имеем дело с предметами первой необходимости, как-то с хлебом, рабочей одеждой и простейшей формой жилища (не более одной комнаты на каждого человека).

Общество, состоящее из труд'ящихся, всегда будет в состоянии производить эти предметы первой необходимости в достаточном количестве для того, чтобы они могли быть в распоряжении даже тех, которые не хотят работать.

Разве годная для питья вода, текущая из общественных фонтанов, уже и в настоящее время не доступна всем совершенно бесплатно? Разве не открыт для всех свободный доступ в парки?

Что же касается всего **прочего,** т. е. того, что уже не относится к числу предметов потребления совершенно необходимых, то придется довольствоваться в близком будущем, как и в настоящее время, тем, что общество будет согласно из чувства солидарности, заботиться бесплатно о **больных** и **калеках,** о **детях** и о **стариках.** Этот дух солидарности не есть то же, что **филантропия,** а есть выражение сознания того, что у коллектива имеются **общественные обязанности** по отношению к личностям.

Резюмируя все предыдущее, мы можем сказать, что **прогрессивное осуществление коммунистического режима будет результатом долгого воспитания людей в течение целого ряда поколений.** Подобно всем вообще людям, огромное большинство рабочих — за некоторыми редкими исключениями — должно научиться работать друг для друга, подобно тому, как рабочим еще надо научиться мало по малу заменять капиталистов в качестве распорядителей производством.

Все замечания, сделанные нами выше, касаются коммунизма. Но мы не только **коммунисты,** мы также и **анархисты,** сторонники **свободы.** Это значит, что мы требуем для всякой личности и для всякой группы личностей **наибольшей возможной свободы; наибольшей возможной автономии** (самостоятельности) для всякой общины и всякого района, входящих в состав нации; а также независимости для всякой народности, большой или малой; для всякой нации, могущей претендовать на то, что она обладает особой цивилизацией. Всякая такая национальная единица обладает правом на независимость, если только, с точки зрения международных интересов, не оказывается необходимым ограничить эту независимость.

Если бы мы знали, что тираническое правительство, „диктатура“ подобная той, которая в настоящее время свирепствует в советской России, была бы способна создать в течение половины столетия высоко развитую форму коммунизма, но лишь при том условии, чтобы в стране бы-

ла совершенно уничтожена личная свобода, то мы предпочли бы современный дурной общественный порядок, гарантирующий людям хотя бы **некоторые** свободы, казарменному режиму, обрекающему людей на каторжный труд, как это имеет место в России. Подобный режим недопустим принципиально и опасен даже как временное состояние общества. Ибо такой режим легко может вызвать вынужденных подчиняться этому эксперименту народных масс ненависть ко всякому вообще коммунизму и загнать их надолго в ряды реакционеров.

Для счастья всех было бы, разумеется, лучше, чтобы человечество имело возможность идти по пути эволюции, хотя бы медленно, но **в обоих направлениях,** т. е. в направлении как **коммунизма,** так и **свободы.** Это было бы лучше, чем если бы посредством диктатуры был осуществлен общественный порядок, равносильный рабству, даже если бы такой общественный порядок и приблизил нас к коммунизму.

Давая выше определение слова **„свободнический“** („коммюнизм либертер“ — свободнический коммунизм, или анархо-коммунизм), мы нарочно дважды подчеркнули слово **„возможный“.** Мы сделали это потому, что мы сознаем все затруднения, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни — затруднения, мешающие осуществлению **свободы** и **автономии** в строгом смысле этих слов, подобно тому как мы сознаем все те трудности, с которыми связано осуществление **коммунизма.**

Как в одном, так и в другом направлении потребуется эволюция в течение нескольких поколений, прежде чем удастся осуществить более или менее наши наилучшие мечты о совершенном общественном порядке; иначе говоря, прежде чем все вообще люди научатся относиться терпимо друг к другу, достаточно сильно любить друг друга и трудиться друг для друга, а не только ради личного своего интереса.

Христиан Корнелиссен.

Париж, июль 1935 г.

Размышления о совр. положении в Европе

(Для юбилейного издания „Дела Труда“)

Среди колебаний, переживаемых взволнованным после последней войны человечеством, должны ли мы потерять всякую надежду на освобождение? Кажется, что люди ищут убежище в авторитарных системах. Говоря более точно, они позволяют навязывать себе ту или иную авторитарную форму общественности, потому что они поверили утверждениям шарлатанов и честолюбцев, обещавшим им освободить их от нужды и рабства. Но принятие ими этих общественных форм не кажется окончательным, и правительства прекрасно чувствуют это, так как они стараются усилить свои средства принуждения на случай колебания в обратном направлении. Несмотря на свои усилия и на свои кажущиеся победы, реакционеры не в состоянии заставить людей окончательно примириться с создавшимся положением вещей. Колебания и попытки найти на-ощупь какой-нибудь новый выход доказывают, что человечество все еще находится в состоянии брожения.

Фашистские диктатуры основаны на противоречиях. Они не находятся в согласии с старинной покорностью всякой власти вообще, ни с прежним доктринерским либерализмом буржуазии, ни с христианским смирением. Таким образом эти диктатуры потрясают основы капиталистического общества. Чтобы прельстить народные массы, диктатуры об'являют себя — правда, только на словах — врагами паразитизма и противниками эксплуататоров.

В Германии диктатура усиленно борется против господствующей религии. В Италии она покровительствует католицизму, но лишь после того, как она поработила себе. Христианским учениям о смирении и мягкосердечии диктатуры противопоставляют возвеличение грубого насилия и даже личной гордости. Всюду сторонники диктатуры восхваляют труд и работников, но в то же время держат этих последних в повиновении, требуя от них самоотречения в пользу капитализма.

Эти противоречия не могут не наводить на размышление людей, у которых всегда, рядом со стадными наклонностями, есть также и тенденция к индивидуализму. Многие люди способны к размышлению и критике; в особенности в наше время, когда уже потрясена прежняя покорность требованиям общества и религии, прежде всячески стеснявшая свободу человека. Национализм старается уничтожить этот дух самостоятельного размышления и критики. Но национализм может вполне покорить себе лишь порабощенный или униженный народ. Если же национализму удается восторжествовать, то ложь его вполне обнаруживается: он не может ни найти выхода из кризиса, ни уничтожить нужды. Он вполне отождествляется с

культом государства — государства, в котором милитаризм становится всемогущим и которое, пожирая своих собственных детей, может поддерживать свое существование лишь при помощи армии и полиции, служа капитализму.

Накопление предметов потребления, которые стараются уничтожить, не имея возможности продать их и извлечь из них прибыль, есть очевидное доказательство эгоистической природы капитализма и того, что он находится в противоречии с общими интересами человечества. Некогда человек, подобно прочим животным, вынужден был подчиняться условиям той естественной среды в которой он жил. Но с развитием современной техники люди получили возможность создать такие общественные условия, при которых каждый был бы обеспечен всем, что ему необходимо.

Мы находимся теперь в периоде брожения, предшествующем новым опытам общественного строительства. Будущая общественная организация будет обеспечивать всем большую или меньшую степень равенства и свободы, смотря по различным и противоречивым тенденциям людей. Анархисты, ведущие пропаганду, должны не впадая в уныние, бороться за равенство и свободу, т. е. за то, чтобы в конце концов обеспечить всякой человеческой личности то уважение, которым она должна пользоваться со стороны всех других людей.

М. Пьерро.

ГОСУДАРСТВО и КУЛЬТУРА

(Продолжение)

И в истории христианской Испании также можно ясно видеть, как поднимается и падает уровень культурного развития сообразно тому, оказывается ли государственная власть стесненной в своей деятельности и поставленной в определенные рамки, или же она приобретает такое могущество, которое освобождает ее от всяких ограничений и ставит все области общественной жизни в полную зависимость от нее. Когда вестготы были разбиты арабами, то часть их бежавших войск нашла убежище в горах Астурии, где эти беженцы основали небольшое бедное государство и из этой горной области совершали постоянные нападения на области, занятые арабами. Эти набеги разрослись постепенно в ту бесконечную войну между крестом и полумесяцем, которая продолжалась в течении более чем 700 лет. Под влиянием этой длительной войны развилось в христианской части Испании тесное сотрудничество между церковью и государственною властью, преследовавшею национальные цели, придавшие позднейшему испанскому единому государству его особый характер, а испанскому католицизму ту особенную форму, которой он не принял ни в одной другой стране.

В дальнейшем, когда во время этой кровопролитной и ожесточенной борьбы между арабами и христианами арабы стали все более и более терять почву в Испании, в начале 12-го века в северной и западной частях Пиренейского полуострова образовался еще целый ряд христианских государств, как-то Арагония, Кастилия, Наварра и Португалия. Эти государства, вследствие постоянных споров о престолонаследии, все время враждовали друг с другом и не избавились от этих смут до тех пор, пока в конце 15-го столетия Фердинанд Католик Арагонский и Изабелла Кастильская не утвердили своей власти над более мелкими государствами. В небольших государствах существовала сначала выборная монархия, которая лишь позже была заменена наследственной монархией. Но даже после того как, благодаря завоеванию христианами Гранады, пал последний оплот ислама в Испании, и брак Фердинанда с Изабеллой положил основу для создания единого национального государства, должно было пройти еще значительное время прежде, чем монархии удалось подчинить своей власти все общественные учреждения страны.

Как говорит Гарридо, «в отношении народного хозяйства, упревления страной и политики еще не существовало единства нации. Единство воплощалось лишь в личности короля, управлявшего несколькими королевствами, из которых каждое имело свои законы, свою конституцию, свои гильдии и даже свою особую систему мер и весов...» Прежде чем единое национальное государство могло проявить полную свою власть, оно должно было прежде всего упразднить все права общин и провинций, свобода которых коренилась в так называемых „Фуэрос", или городских самоуправлениях; а упразднить все это было нелегкой задачей.

Когда арабы вторгнулись в Испанию, лишь небольшая часть населения, состоявшая главным образом из знати, бежала из занятой арабами части страны и нашла убежище в диких горах северной Испании. Большая же часть иберийского и романского населения, равно как и значитель-

ная часть готтов, не принадлежавших к богатому классу, спокойно оставались на своих местах, в особенности когда они заметили, что победители относились к ним довольно снисходительно и щадили их. Многие даже приняли ислам. Все оставшееся на местах население, как мусульманское, так и христианское, было довольно теми преимуществами, которые предоставляли им свободные общинные порядки, установленные арабами, берберами и сирийцами. Эти порядки позволяли покоренному населению чувствовать себя довольно независимым. Когда, в течение бесконечных войн между испанцами и арабами, испанцам удавалось отвоевать у арабов какой-нибудь город или целую область, то испанцы были вынуждены признать те права, которыми пользовались общины отвоеванной ими территории и оставить неприкосновенными существовавшие в ней порядки. Там же, где, перед завоеванием какой-нибудь области, испанцам приходилось сначала выдержать продолжительную борьбу с ее населением, вследствие чего население бежало из страны, чтобы не быть истребленным победителями, там эти последние видели себя вынужденными предоставить новым поселенцам „фуэро", предоставлявшее им большую свободу, обширные права местного самоуправления. Это было единственным надежным средством защитить отвоеванную область от нападений и сохранить ее за собой. На испанском языке имеется большое число важных сочинений, касающихся истории этих отвоеванных испанцами городов и сельских общин и их „фуэрос". Из сочинений этих видно, что в основу городского управления были положены народные собрания горожан, на которые жители приглашались каждое воскресенье колокольным звоном. На этих собраниях граждане обсуждали все общественные дела и принимали соответствующие решения.*) В городских и сельских общинах царил чрезвычайно демократический дух; граждане ревниво охраняли свои права, были всегда готовы отстаивать их всеми средствами, находившимися в их распоряжении и защищать их от нарушений со стороны знати и королевской власти. В этой борьбе за право самоуправления важную роль играли корпорации городских ремесленников; они вообще оказывались весьма полезным элементом в богатой событиями и переменами истории испанских общин, в которых воплощалось народное дело. Занкада делает следующее чрезвычайно верное замечание: «В числе разных причин, содействовавших под'ему общин, имеется один общий элемент, сильно способствовавший развитию этих народных организаций. Элементом этим, проявлявшим весьма энергичную деятельность, были профессиональные об'единения ремесленников, возникшие в качестве противовеса тирании феодальн. баронов. Под защитой этих гильдий ремесленники могли отстаивать свои права; эти об'единении были вообще могущественным средством улучшения общественного и экономического положения лиц, занятых трудом в разных профессиях.»*)

Подобно тому, как это было в теже времена в других странах, и в Испании также общины об'единились в большие и малые федерации, чтобы с большим успехом отстаивать свои права. Из этих союзов и городских „фуэрос" развились в отдельных христианских государствах Испании кортесы, первые зачатки народного представительства, — оформившиеся в Испании на целое столетие раньше, чем в Англии. На самом деле, память об общинной свободе, о „мунисипиос либрес", никогда не угасала в Испании; и во всех восстаниях, периодически потрясавших эту страну в течение целого ряда столетий, эта идея общинной свободы всегда играла видную роль. Так называемая кантоналистская революция 1873 года также вдохновлялась этой идеей. В настоящее время во всей Европе нет другой страны, где дух федерализма был бы столь живуч, как в Испании. Поэтому-то и до настоящего времени в этой стране социальное движение попрежнему носит тот свободнический характер, которым оно не отличается в той же мере среди других народов.

В христианских государствах северной части иберийского полуострова лишь сравнительно поздно развилась культура, сколько-нибудь заслуживающая внимания. В течение четырехсот лет среди остатков вестготтского населения общественная жизнь существовала лишь в весьма примитивных формах, так что по отношению к этим государствам не может быть даже и речи о высшей самостоятельной культуре. Диркс в своей „Истории Испании" делает следующее замечание: «Культура северной Испании осталась совершенно отличной от культуры южной части полуострова. В этой последней мы наблюдаем расцвет всех отраслей материальной и духовной культуры; государственная же жизнь оставалась на сравнительно низкой ступени развития и мало изменялась. Наоборот, условия, создавшиеся в северной

---

*) Edwardo Hinojosa, "El origen de regimen municipal en Castilla y Leon'.

*) Proxiteles Zancada, "El Obrero en Espana"; p. 44, Barcelona, 1902.

части страны, привели именно к развитию государственности и тщательному урегулированию правовых отношений". В этих словах Диркс отмечает факт громадной важности, всего значения которого он, повидимому, сам не понял. Именно потому, что в покоренной арабами части Испании государственная власть никогда не могла достигнуть значительной централизации, там могла беспрепятственно развиваться культура; тогда как на севере она долго лишь прозябала, потому что там стремление к политической власти оттеснило на задний план все прочие интересы. Только после занятия Сарагосы и Толедо и на севере Испании также произошла большая перемена, решающим фактором которой было влияние, оказанное маврами.

Только Каталония и прежде всего Барселона составляют исключение, ибо они раньше какого бы то ни было другого христианского испанского государства достигли высокой степени общественной и духовной культуры. Об'ясняется это их сношениями с южной Францией, которая до крестового похода, предпринятого против еретиков-альбигойцев, представляла собою одну из наиболее духовно развитых и культурных частей Европы. К тому же каталонцы не чувствовали себя связанными запрещением, наложенным папой, и вопреки ему вели с арабскими государствами южной Испании оживленную торговлю, что естественно приводило население Каталонии в близкое соприкосновение с мавританской культурой. Таким образом в Каталонии развился свободнический дух, и она достигла более высокого уровня культурного развития, чем прочие христианские государства Испании. Эта разница в развитии, которая особенно сильно стала ощущаться каталонцами, когда королевский деспотизм начал угнетать их, отнимая у них их старинные права и свободы, сделала их заклятыми врагами Кастилии и создала ту крайнюю противуположность между Каталонией и прочей Испанией, которую еще и в наше время не удалось вполне преодолеть.

Пока королевская власть, все более и более укреплявшаяся после брака Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, еще была вынуждена уважать старинные права общин и провинций, в испанских городах процветала богатая культура. Культура эта первоначально была сообщена испанцам арабами, но постепенно она побудила испанцев и к самостоятельному творчеству. В начале 16-го столетия все отрасли промышленности еще процветали, и городская жизнь напоминает своей суетливой деятельностью пчелиный улей. Испанцы, как замечает Гарридо, научились от арабов обрабатывать, красить и ткать шерсть, и ткани, изготовлявшиеся в Леоне, Сеговии, Бургосе и Эстремадуре, были наилучшие во всем свете.

В провинциях Кордове, Гранаде, Мурции, Севилье, Толедо и Валенции в тоже время процветала шелковая промышленность, от которой питалась там большая часть населения. Наряду с ремеслами и промышлнниностью достигли замечательного развития также и искусства, в особенности архитектура, о чем свидетельствуют соборы в Бургосе, Леоне, Толедо Барселоне.

Когда вся территория Испании оказалась об'единенной в одну империю, то этим, конечно, еще не оказались устраненными внутренние противоположности, существовавшие между различными, прежде бывшими самостоятельными, испанскими государствами, в особенности между Кастилией и прочей Испанией. Поэтому королевская власть еще не могла сразу нанести решительный удар общинам; ей, наоборот, даже приходилось часто подчиняться решениям кортесов, которые одни только могли дать свое согласие королю на взимание с населения тех денежных сумм, в которых он нуждался. Но все же могущественный кардинал Хименец де Цисперос, духовник королевы Изабеллы, уже подготовлял поход, имевший целью устранить те „особые права", которыми пользовались общины.

Одним из важнейших средств в этой борьбе за торжество королевского абсолютизма была инквизиция, которую часто выставляют, как учреждение чисто церковное, как орудие в руках церкви. Но такой взгляд несправедлив! Инквизиция была лишь особым департаментом правительственного аппарата королевства — учреждение, которым король пользовался прежде всего для того, чтобы укрепить свою королевскую власть и довести ее до степени полного абсолютизма. Так как в Испании единство национального государства было теснейшим образом связано с единством веры, то церковь и монархия действовали заодно; но церковь была скорее орудием в руках королевского деспотизма, чем государство орудием в руках церкви. Факт, что лишь вследствие требований испанских королей инквизиция приобрела тот ужасный характер, который навлек на нее проклятия всех позднейших поколений. Гаррадо в своей книге о современной Испании приводит статистические данные, заимствованные у Аббата де Монгальяр, согласно которым с 1481 г. по 1781 г. в Испании было сожжено на кострах инквизиции около 319,200 человек; кроме того было сожжено 16,759 изображений лиц, кото-

рых инквизиции не удалось самих возвести на костер. Общая сумма жертв инквизиции (имущество которых конфисковалось) доходило до 341,029. Гарридо добавляет, что цифры эти весьма умеренны.

Фердинанд Католик уже пробовал добиться ограничения старинных прав общин в разных частях страны, и во многих случаях это ему удалось, хотя ему приходилось действовать очень осторожно, прибегая к разным предлогам, скрывавшим его истинные намерения. В царствование Карла I (германского императора Карла V) королевское правительство продолжало делать усиленные попытки в том же направлении, что в 1521 г. привело к большому восстанию в кастильских городах. Повстанцы сначала добились небольшого успеха, но вскоре войско комунеросов было разбито на голову при Виллаларе, и Хуаи де Падилла, главный предводитель повстанцев, и некоторые из действовавших с ним заодно заговорщиков были казнены. Почти в то же самое время, после кровавой борьбы, было подавлено и восстание так называемых „германиас“, братств и ремесленных гильдий провинции Валенсии. Этими победами королевских войск был положен кровавый конец старинным городским самоуправлениям в христианских государствах Испании — учреждениям, существовавшим там с начала 11-го столетия. Когда затем, при Филиппе II, было также подавлено восстание арагонцев, причем Сарагоса была залита кровью повстанцев, и верховный судья Лануца был обезглавлен по приказанию нарушившего конституцию деспота-короля, то абсолютизм прочно утвердился в Испании, и восстания, вспыхивавшие позже в других провинциях, уже не могли серьзно потрясти его.

Таким образом было положено начало единому национальному государству под главенством самодержавного короля. Испания сделалась первой великой державой в мире, и стремления ее к расширению своей политической власти в сильной степени повлияли на ход общественного развития большинства европейских государств. Но одновременно с торжеством принципа единого абсолютистского государства в Испании и с беспощадным уничтожением в ней всяких местных свобод и прав на самоуправление, иссякли также и источники материальной и духовной культуры, и страна пришла в состояние безнадежного варварства. Даже неисчерпаемые потоки золота и серебра, изливавшиеся из юных испанских колоний в Америке, не могли уже спасти Испанию от культурного упадка и лишь ускорили его.

(Окончание следует)

Положение дел в Испании

Так как в этом номере „Дела Труда“, посвященном десятилетнему юбилею его существования, не будет недостатка в статьях теоритического характера, то я думаю, что будет уместным сообщить читателям этого журнала некоторые сведения о положении дел в Испании в областях политической и социальной. Положение это изобилует особенностями, к сожалению, мало известными заграницей, и перспективами, позволяющими смотреть на вещи очень оптимистично.

Совершенно верно, не все идет так, как мы желали бы. Но ясно одно, что усиливающееся с каждым днем влияние анархических идей на всю массу пролетариата — это повсеместно признано — является как бы центром тех пертурбаций, вследствие которых содрагается подпочва всей системы, ослабляется авторитет, рушится капиталистический экономический строй и оказываются безуспешными все усилия государства справиться с бунтом, грозный рев которого раздается, и который грозит с минуты на минуту поглотить все.

Бунт распространяется и становится более резким. Элементы, составляющие его основу, продолжают быть сильными. Национальная Конфедерация Труда прекрасно выдерживает натиск врагов. Она проявляет себя очень энергично. Анархизм не складывает оружия. Каждый день дает нам новые доказательства этого.

После октябрьских событий все утверждали, что без содействия Н. К. Т. и анархистов в Испании совершенно невозможно совершить революцию. Никто не говорит того же о Всеобщем Рабочем Союзе и о социалистах, и тем более о коммунистах. Это правильное определение революционной ценности нашей национальной организации. Ясно, революционная ценность Н. К. Т. является лишь естественным, неизбежным следствием идеологической ценности этой организации.

Наоборот, как среди В. Р. С., так и среди социалистической молодежи, многие сознают, что при следующей попытке совершить революцию надо будет устранить главарей партии „рабочего класса“, этих трусов и изменников, и решительно принять тактику, к которой всегда прибегали Н. К. Т. и анархисты.

Военное положение в Барселоне лишь уловка для того, чтобы не допустить выборов

В Барселоне снова об'явлено военное положение. Но это нисколько не изменяет общего положения дел. Это лишь мелкая подробность в общей картине правительственного самовластия. И хотя эта подробность и может подчеркнуть некоторые налагаемые правительством запреты, это никого особенно не беспокоит. Все знают, что на нашу долю выпадает то же, что выпадало и до сих пор: переполнение республиканских тюрем государственными преступниками, массовые высылки товарищей, ни в чем, в сущности, не обвиняемых, и деятельность чрезвычайных трибуналов, приговаривающих к десяти, пятнадцати и двадцати годам каторжных работ сотни людей, даже когда нет никакого следа доказательства того, что они совершили какие-либо преступления.

Да, гроза правительствнных репрессий сильно бушует с некоторых пор. Но надо сказать, что наши товарищи встречают бурю лицом к лицу, не моргнув глазом. Если теперешний момент не позволяет нам открыто начать наступление, то не менее верно и то, что наше сопротивление, упорное и беспрерывное, происходящее на всех фронтах, истощает силы врага. Правители, сбитые с толку этим грозным сопротивлением, этим упорством, которое не может быть сломлено никакими, даже самыми варварскими, насильственными приемами, находятся в положении моряка, потерявшего компас.

Чем вызвано об'явление военного положения в Барселоне? Означает ли оно еще один шаг направо, по направлению к фашизму? Нет. Это ничто иное, как результат **соглашения** между Портелой Валладарес, республиканским министром внутренних дел, еще вчера бывшим фанатическим слугой монархии, и Гилом Роблесом. Это, как уже было сказано нами при другом случае, просто стратегическая диверсия, произведенная управляющими нами „сорванцами". Надо было каким бы то ни было способом оправдать поддержание тревожного настроения в стране с одной стороны и откладываньe выборов, которые уже сто раз были обещаны левым на август. В таких случаях, конечно, всегда находится какой-нибудь удобный предлог.

Возможно, что тут также оказали известное влияние и конфликты в области транспорта и в текстильной промышленности, во всяком случае, эти конфликты послужили лишь второстепенным мотивом.

„Положение дел — так говорит теперь правительство — заставляет нас продолжить военное положение в известной части страны, а при военном положении, поскольку мы желаем дать гражданам все демократические гарантии, выборы невозможны."

Необходимо отметить страшное несоответствие между видимой причиной и следствием. Решение об'явить военное положение было принято, — согласно официальным заявлениям — **вследствии** поджога трамвайного вагона. Но это уже слишком сильно. Театральность принятой правительством меры слишком криклива. Газеты сообщили с барабанным боем, что военный министр и министр внутренних дел, Портела Валладарес, и Гил Роблес отправляются на аэроплане в Барселону, чтобы **в надлежащей форме провозгласить военное положение и дать гражданским властям необходимые приказания.** Это до того театрально и глупо, что даже сторонники правительства публично признают это.

Правительственные заявления становятся смехотворными в свете фактов. Чтобы понять, насколько стоящие у власти политиканы насмехаются над людьми, говоря, что мотивом об'явления военного положения был поджог трамвая, достаточно обратить должное внимание на несколько цифр.

Забастовка транспортн. рабочих вспыхнула 19-го ноября 1933 г., т. е. в тот самый день, когда должны были произойти пресловутые выборы. С тех пор, т. е. в течение 18 или 20 месяцев, было сожжено около 300 трамвайных вагонов, автобусов, и т. п. Из этих 300 около 80 были сожжены в течение тех шести месяцев, когда было в силе военное положение, об'явленное вследствие октябрьских событий. Несмотря на строгость наказаний за акты саботажа, поджоги трамвайных вагонов и автобусов совершались с правильной регулярностью.

Если вчера эти драконовские меры оказывались совершенно бессильными, то окажутся ли они действительными теперь, как хотят уверить нас в этом военные и гражданские власти?

Ответ на этот вопрос нам дают факты. Ежедневно совершаются новые акты саботажа, новые поджоги трамвайных вагонов и автобусов. Со времени об'явления осадного положения лишь один день прошел без обычного пожара. Но зато на следующий день, — в виде компенсации, — это имлео мсто 15-го числа, а теперь 19-ое — саботажники не только подожгли автобус, но и обезоружили двух стражников, поставленных для охраны автобусов от нападений толпы.

Весь мир спрашивает: в какой кузнице выкованы удивительные характеры этих людей, постоянно рискующих всем без малейшего колебания?

В среднем ценность всех разрушенных трамвайных вагонов, автобусов и т. п. равняется 50.000 пезетам. Правда, фирма „Трамваи Барселоны" располагает огромными миллионами. Но вот уже 14 месяцев, как все страховые общества отказываются заключать с ней контракты. В действительности акции этой фирмы котируются на бирже так низко, что акционеры, охваченные паникой, продают за 250 и даже за 200 пезет акции, стоившие 500.

Трамвайная компания хотела бы уладить конфликт с синдикатом, так как он обходится ей невыносимо дорого. Но граф де Гамацо, — титулы все еще существуют в нашей . . . рабочей республике, — председатель административного совета, мультимиллионер, располагающий 57 процентами всех акций, наследник и продолжатель аристократического феодализма, сопротивляется этому всеми силами.

Кроме утраты вагонов, компания терпит и другой убыток, также значительный: вследствие нежелания публики подвергаться опасности пожара, ежедневная выручка упала до 18 пезет.

Это — борьба коллективного достоинства рабочих — (достоинства, гордо бросающего вызов всем строгим наказаниям, налагаемым сводом законов, и заставляющего рабочих пользоваться легко воспламеняющимися жидкостями, так как в этой своеобразной войне обе стороны вынуждены пользоваться всяким оружием, находящимся под рукой)—с миллионами, принадлежащими тем, кто лишил рабочий класс принадлежащего ему наследия.

Откладыванье выборов об'ясняется не боязнью потерпеть неудачу, **а боязнью того, что их вообще невозможно будет благополучно провести.** Несмотря на то, что господами положения сейчас являются центр и правая, несмотря на фашистскую тенденцию правительства Лерру - Гил Роблес, некие невесомые влияния — с которыми приходиться считаться и которые усиливаются со дня на день — заставляют восстановить конституцию во время выборного периода. Но Гил Роблес и Лерру не могут пойти на это. Они знают, что как только газеты получат возможность снова обсуждать вопросы и события свободно и с наших трибун раздастся свободная речь, правительство потеряет равновесие через несколько дней, а может быть даже и через несколько часов.

Пока же партия Лерру и партия Роблеса обмозговывают проэктируемый ими на время выборов союз. Военный министр Гил Роблес во время выборов будет пользоваться в Барселоне неограниченной властью и **на деле** покажет, что он не так страшен, как говорят и что по свирепости его фашизм сильно уступает фашизму Ларго Кабалльеро, Азанья и всех прочих левых фашистов.

Все это доказывает, во-первых, что все пружины власти совершенно поломаны, и, во-вторых, что клички не имеют больше никакого значения.

В настоящее время мы находимся под ярмом закона об охране общественного порядка, вотированного — точно также, как и добавленные к нему чрезвычайные трибуналы — **революционерами** Учретельного Собрания, социалистами, все время не спускавшими глаз с Национальной Конфедерации Труда. Следовательно, **правые партии управляют страною при помощи чрезвычайных законов, установленных левыми.** А это доказывает математическую равноценность всех форм фашизма.

Что же касается правого фашизма, находящегося у власти в настоящий момент, то он задался только целью провести **реакционный закон:** а именно, закон о прессе. Закон этот, если он вообще будет проведен — а это ещ неизвестно — позволит делать на законном основании то, что в течение двух лет, когда важнейшие правительственные посты были заняты левыми, делалось ежедневно против нас вопреки всем законам. Делалось же следующее: под любым предлогом конфисковались или совершенно запрещались все те газеты, которые правительству не удавалось „приручить".

В связи с этим законом мы должны отметить одно чрезвычайно курьезное явление, доказывающее, что наш фашизм есть фашизм **совершенно особого рода.** Невозможно выяснить какая именно личность или какая политическая группа родила проэкт этого закона. Что касается партий, то С. Е. Д. А. говорит, что матерью его является радикальная партия, а эта последняя утверждает, наоборот, что проэкт этот порожден С. Е. Д. А. Что же касается отдельных личностей, то — от Гила Роблес до последней обезьяны и от Лерру до его камердинера — все в один голос уверяют, что они тут ни при чем.

После двухнедельного обсуждения этого закона с республиканской оппозицией — которая более или менее формально останется левой, пока ей еще не удастся снова захватить власть — вдруг наступило молчание относительно этой первой попытки фашистского законодательства . . . . справа.

Что это за фашизм? Разве можно было бы наблюдать подобную картину в какой бы то ни было другой стране? Как об'яснить себе тот факт, что в рядах испанских фашистов не имеется действительно — или хотя бы навидимость — храброго вождя — такого, каких мы видели

в Испании, в Германии, в Португалии и т. д. — который сказал бы с поднятой головой: „Да, господа, это я хочу — (или: „это моя партия хочет") — провести этот закон. Мы знаем, что он, этот закон, попирает ногами все свободы и все права, но по нашему мнению эти свободы — явление отрицательное и эти права порождают опасность, и мы берем на себя всю ответственность за их упразднение".

Нет, наши фашисты не обладают таким мужеством. У нас имеются только какие-то карманные Гитлеры, Муссолини и Кармоны. Настоящего вождя не хватает. Нет **настоящего человека.** А без такого человека фашизм является лишь карикатурой. Кругом пустота. Гил Роблес? Да что Вы говорите! Ведь это просто жалкий человек, над которым постоянно насмехаются его же собственные сторонники. Примо де Ривера, сын диктатора? **Ваде ретро!** (Иди назад!). Этот еще глупее Гила Роблеса, выглядит таким же мужиком и каждый раз, когда решается заговорить, вызывает смех у слушателей.

Ничего тут не поделаешь. Фашизм без вождя, это то же, что бифштекс ... без мяса.

Все дисциплины исчезли. Партии и личности потеряли весь свой престиж. Наша экономика, располагающая редкостными ресурсами, зачахла. Всюду раздается гул бунта. У нас имеется около миллиона безработных. Еще только на прошлой неделе была сделана попытка вызвать всеобщую забастовку в Астурии. Социалисты может быть знают, почему эта попытка оказалось неудачной.

И при таких-то условиях должен начаться новый период политического строительства. Лерру и Гил Роблес желают изменить конституцию, устранив ту ее часть, которая может быть, пожалуй, названа радикальной, с точки зрения политической. Это та часть конституции, которую левые положили под сукно, ни разу не применив ее на деле.

Сумеем ли мы использовать это положение дел, не отклонившись ни на один миллиметр от прямой линии, указывающей нам, как мы должны поступить, чтобы оставаться вполне верными нашим принципам? Окажемся ли мы способными **замолкнуть на минуту** и хорошенько разобраться в открывающихся перед нами бесконечными возможностями? Трудно представить себе положение дел, которое было бы еще более благоприятным для нас. Если, когда наступит решительный момент, мы не будем вынуждены, вследствие забывчивости или невнимания, искать впопыхах нить Ариадны, (которая могла бы вывести нас из этого лабиранта), то перед нашими взорами откроется великолепная перспектива.

Национальная Конфедерация Труда, как сила и как возможность осуществления наших целей, остается неприкосновенной.

Надо надеяться, что мы не будем обмануты некоторыми миражами. Положение дел в области политической, слагающееся из чрезвычайно запутанных отношений и отвратительных поползновений, принимает оборот вполне выгодный для нас.

„Во время революции — сказал Виктор Гюго — бывают периоды дыма и периоды пламени".

Однако дым может лишь на короткое время скрыть от наших взоров пламя, но никак не может погасить его, и этого не может быть еще потому, что коллективная воля народа Испании раздувает это пламя.

Благодаря непреодолимой привлекательности нашего учения, народные массы уже не преклоняются более перед статуей Демократии, как они делали это в древней Греции, поэтому теперь настал наш час. И на нас ляжет страшная ответственность и перед пролетариатом и перед историей, если мы не сумеем вырвать у этого часа весь тот прогресс, которого он позволяет добиться.

Евсебию К. Карбо.

Барселона.

Гримасы нашего времени

(Заметки на полях фактов)

„Я".

Старая, злая антифеминистская поговорка гласит:

— Мужчина всегда говорит „я", а женщина — всегдт „он" ... такова разница между мужчиной и женщиной ...

Воскресни сейчас Отто Вейнингер, доказывавший возможность преобладания элемента „женственности" у мужчины и наоборот, и он наверное воскликнул бы:

— Смотрите, на земном шаре целое поколение почти превратилось в по-женски говорящее „он", вместо „я"! ...

Действительно, теперь почти каждый опускает голову вниз и уста его, такие бескровные, такие конвульсивно-искривленные, шепчут:

— Он! Он! ..

Совершенно безразлично **к кому** это „он" относится: к „прекрасному ли Адольфу" в Германии, к „бесподобному ли дзядеку", Пилсудскому в Польше, к Муссоли-

ни ли в Италии или к Сталину в Советской России, — повсюду массами произносится одно лишь единственное местоимение „он".

А — „я"?

Лишнее это слово теперь, бывшее слово для „бывших людей" . . и, пожалуй, скоро найдется какой-нибудь реформатор, который предложит совсем выбросить из словаря это никчемное словечко.

На самом деле:

— На что мне „я", коли имеется „он" — его предводительское величество, единственный спаситель то класса, то нации, то всего человечества?

И больше того: реформатору, чистильщику нашего словаря от лишних наслоений, предстоит, пожалуй, работа еще больших размеров — он вправе покушаться на все вообще разновидности МЕСТОИМЕНИЙ.

Судите сами: разве такие слова как „ты", „мы", „вы" не являются слабо замаскированной ТАВТАЛОГИЕЙ основного понятия, а не только слова, „он"? . . .

Когда, в свое время, „блаженной памяти самодержец Всероссийский", а за ним теперь разные властелины-диктаторы употребляют излюбленное словечко „мы", вместо „я", то к ним, по крайней мере, оно подходит, к лицу, но чем могут оправдать массы употребление ими слов „мы" и „вы", когда эти слова суть ничто иное как неумелая драпировка одного понятия — — „он"? . . .

Припадок дикой радости и самодовольства того, кто в „чехарде" власти перескочил через согбенные плечи своих конкурентов, не может быть, в конце концов, продолжительным. Как всякий аффект, он должен ослабевать постепенно. Ведь должен же охваченный, в результате одержанных побед над противником, высокой температурой вернуться, в конце концов, к нормальной температуре логически-мыслящего и трезво-чувствующего.

И не видел ли Сталин, перескочивший черз плечи Троцкого и через несравненно более слабые плечи Зиновьева-Каменева, когда подписывал „мягкий и благородный" приговор — (он же мог, как победитель, подписать: „к стенке", „в Соловки") — что где-то уже готовится подняться рука невидимого нового победителя, которая, рано или поздно, подпишет и ему, Сталину, такой же приговор . . .

Да, ведь и Троцкий в свое время, как и Каменев с Зиновьевым, посылали людей „в Соловки", „к стенке", тогда они не чуяли, что когда-нибудь снимут „копии" с их приговоров для них самих; потом-то, наверное, не раз вспоминали и с болью и стыдом укоряли самих себя:

— Как это мы раньше этого не предвидели? . . .

А Сталин? . . Он же должен быть вооруженным опытом своих предшественников, из их же колодцев он должен был, и мог, напиться горькой водицы грозящего сознания:

— Сегодня — я их, а завтра кто-нибудь меня . . .

Стены древнего Валтасаровского дворца в Вавилоне посылают свой „привет" стенам Сталинского Кремля.

Невидимая рука еще раз начертает грозное предостережение победителю в самый разгар его победного разгула:

— Властелин, сегодняшняя участь побежденных тобой, будет твоей участью завтра!

И. Рубин.

Прямые и косвенные налоги

По данным вашингтонского Цензового Бюро, произведшим подсчет стоимости содержания государственного аппарата, в 1932 г. расходы на содержание федерального, штатных и локальных правительств выразились суммой в 9,662,6 млн. дол. или по 76 дол. 80 с. на каждую душу населения. Штатными правительствами было истрачено — 2,505 млн. дол., уездными — 61,412 млн. дол., и разными другими учреждениями свыше — 500 млн. долларов.

В Соед. Штатах насчитывается 182,659 разных правительств, пользующихся правом налогового обложения: 48 штатных, 3,062 уездных, 36,428 городских, местечковых и сельских, 128.549 окружн. школьных комитетов и 14,572 разных других наименований.

За 20 лет, начиная с 1912 г. и кончая 1932 г., налоги в Соед. Штатах увеличились на 258%, а задолженность — на 283%.

Согласно статистическим данным, в 1934 году, было израсходовано 4 биллиона долларов на содержание федерального правительства и 9,600 млн. дол. на содержание штатных и локальных правительств, а всего вместе — 13,600 млн. дол.

Обложение населения разными налогами в общенациональном масштабе производится Конгрессом, а в городах и штатах — городскими думами и штатными легислатурами. Налоги бывают прямые, когда они налагаются на имущества или доходы, и косвенные, когда они налагаются на предметы первой жизненной необходимости или широкого потребления. Взысканные

тем или иным путем налоги идут, главным образом, на содержание государственной машины.

Налоги возростают с каждым годом. Из приведенных данных Цензового Бюро мы видим, что за 20 лет таковые увеличились на 258 процентов. Так, например, в 1933-34 фискальном году федеральные налоговые поступления составляли 2,672 м. д., из которых 817 млн. дол. — подоходный налог, а остальная сумма — разные косвенные налоги. А вот уже в 1934-35 фискальном году, закончившимся 30 июня, налоговые поступления федерального правительства составляли 3,297 млн. дол., из которых около 1,100 млн. дол. — подоходный налог (526 млн. дол. с частных лиц и 573 млн. дол. с корпораций), а почти 2,200 млн. дол. — косвенные налоги.

По данным председателя Бюро внутренних сборов при министерстве финансов — Роберта Джексона, все правительственные налоги разбиты на две категории: подоходный налог на капитал и заработки и косвенный налог на предметы широкого потребления. Последний взыскивается, главным образом, с беднейшего населения, составляющего огромнейшую часть потребителей.

До 1930 г. подоходный налог давал правительству 62% налоговых поступлений, а акциз — 38%. В текущем же году крупные богачи внесли в государственное казначейство около 38%, а бедняки — свыше 62%. Более верно сказать, что богачи внесли только одну треть федерального налога, а бедняки — две трети. В то же время продолжается концентрация капитала в руках немногих. Число лиц, получающих более 1 млн. дол. годового дохода, увеличилось с 20 в 1932 г. до 50 в 1933 году

Анализ 58 доходов, свыше 1 млн. дол. в год, показал, что 38 этих доходов получают члены 14 семейств. Указанные 58 доходов имели государственных бумаг на 1,461 м. дол., давшие им более 21 м. дол. необлагаемого дохода против 57 млн. облагаемого. Иными словами, миллионеры получили от правительства свыше 21 млн. д. и не уплатили почти 12 млн. дол. причитающегося налога с них.

У налогоплательщика с небольшим доходом нет способа избежать уплаты налога, а у миллионеров имеется тысяча лазеек, позволяющих им избежать платежей. Одна „семья“, например, учредила 197 разных фондов и таким образом избавилась от уплаты дополнительных налогов, а другой миллионер разбил свое состояние на несколько и уплатил налог не со 100 млн. дол., а только с 8 млн. дол. Третий миллионер, „заработавший“ 2,700 тысяч долларов, ухитрился уплатить налог только за 20,000 дол. Есть еще миллионеры, владеющие огромными поместьями, приносящими им „убыток“ по 200,000 дол., которые они аккуратно вычитывают, а другие совершают фиктивные продажи акций банкам с обратной их покупкой, чтобы показать „убыток“. По заявлению Рузвельта, все эти трюки обходятся казне в 100 млн. дол.

По данным Бюро экономических изысканий при министерстве торговли и промышленности, общенациональные доходы за последние 5 лет были следующие: в 1929 г. — 78,576 млн. дол., в 1930 г. — 72,973 млн. дол., в 1931 г. — 61,433 млн. дол., в 1932 г. — 47,964 млн. дол., в 1933 г. — 44,431 млн. дол., 1934 г. — 49,440 млн. дол.

Соответственно указанным годам жалованье и заработная плата составляли в миллионах долларов: 51,088; 46,844; 39,444; 30,643; 29,121 и 33,109, а остальная сумма составляют доходы на капитал. На первый взгляд кажется, что рабочие получают в доле дохода большую сумму, чем капиталисты, а на самом деле это не верно, ибо нельзя сравнивать заработок даже квалифицированного рабочего с жалованьем директора какого-либо завода или фабрики, где они служат. Так, например, заработки 44,000 рабочих Бетлегем Стил Ко. не превышает 67 сент за час работы, а жалованье 3 директоров этой компании достигает 488,000 дол.; председатель совета директоров Шваб получил в 1934 г. — 250,000 дол. жалованья.

Значит, львиная доля зарплаты уходит на жалованье директоров, президентов, председателей совета директоров и проч. По данным федеральной комиссии, обследовавшей около 800 корпораций и собравшей сведения об окладах должностных лиц, — председатели и многочисленные вице-председатели и директора этих компаний получают огромнейшие суммы в виде жалованья или бонуса, исчисляемые в десятках и сотнях тысяч долларов, а во многих случаях и в миллион. Почти во всех корпорациях львиная доля идет на жалованье должностным лицам, а остальная сумма распределяется между держателями акций, каковыми в большинстве случаев являются те же должностные лица, их родственники или близкие им люди.

Можно было бы привести сотни имен, но это совершенно излишне. Поэтому укажем лишь, что, согласно статистическим данным, в Соед. Штатах насчитывается около 50,000 миллионеров. А по данным министерства финансов, в прошлом году было 46 лиц с годовым доходом более 1 млн. дол., 84 с доходом от 500,000 до 1 млн. дол., 139 с доходом от 300 до 500 тысяч долларов, 693 со 150-300 тыс. дол., 1085 лиц со 100-150 тыс. дол. и т. д.

Из других источников мы узнаем, что в Соед. Штатах имеется (в округленных

цифрах): 150,000 семейств с доходами от 10 до 25 тысяч долларов; 500,000 семейств с доходами от 5 до 10 тысяч долларов; 1,500,000 семейств с заработком от 3 до 5 тыс. долларов; 3 миллиона семейств с заработком от полуторы до 3 тысяч долларов; 9 млн. глав семейств, зарабатывающих 1,500 дол. и 12 млн. — зарабатывающих менее 1,500 дол. в год.

Советник РФК — А. Берлэ утверждает, что в руках 600 корпораций сосредоточено ныне 75% национальных богатств. А по сведениям сен. Лонга, „Морган, Рокфеллер, Барух и Меллон захватили 85% национальных богатств“.

По данным Комиссии Конгресса, в 1916 г. 3% населения Соед. Штатов владело 60% национальных богатств; 32% населения — 35% богатств и 65% населения — 5% богатств, а спустя 14 лет федеральная торговая комиссия установила, что в руки 1% населения перешло около 60% национальных богатств.

По сведениям председателя совета федерального резервного банка — М. Экклеса, одна семья из привилегированных имеет гораздо больше, чем 420 семейств бедняков. Все вышеприведенные данные говорят о концентрации огромнейших богатств в руках ничтожной кучки миллиардеров. Они же указывают на то, что капиталисты взваливают на плечи американских тружеников огромное налоговое бремя, как прямых, так и косвенных налогов, составляющих 67% поступлений.

Когда в Конгрессе заговорили об увеличении налогов, от которых миллионеры уклоняются, на дарственные записи, наследства, корпорации и крупные доходы, то буржуазная печать, всецело находящаяся в услужении капиталистов, подняла волчий вой и кричит о разорении „бережливых“ семейств. Дабы избегнуть уплаты наследственных пошлин, крупные капиталисты в последние месяцы начали усиленно „дарить“ свое состояние наследникам. Зато они горой стоят за увеличение косвенных налогов или налогов на бедноту.

НЕ считая процессионного налога на продукты первой жизненной необходимости, каждый американец или потребитель уплачивает в среднем 50 дол. в год косвенных налогов федеральному правительству. Если включить сюда городские, штатные и всякие иные налоги, то сумма их превысит 100 долларов.

Безработные и вообще все трудовое население страны, получающие гроши за свой каторжный труд, терпят страшную нужду, так как зарплата во многих случаях не только не увеличилась, а уменьшилась, в то время как косвенные налоги, ложащиеся всей своей тяжестью на беднейшие классы населения, чрезвычайно возросли и слишком повысились цены на пищевые продукты, одежду, обувь и другие предметы первой необходимости. Следовательно, положение трудящихся не только не улучшилось, но еще больше ухудшилось. Оно стало отчаянным. Из рабочего и фермера почти нечего уж выколачивать. Вот почему заговорили в Конгрессе о налогах на состоятельные и богатые слои населения.

Некоторые полагают, что увеличение налогов на богатых приведет к более равномерному распределению национальных богатств. Эта точка зрения ошибочна, ибо в конечном итоге за все расплачиваются трудящиеся массы. Пока существуют богачи и бедняки, эксплуататоры и эксплуатируемые, не может быть и речи о равномерном распределении богатств, — даже при искреннем желании.

Богатства заключаются ведь не в знаках обмена — деньгах, а в товарной наличности, в орудиях и средствах производства, как земля, рудники, шахты, заводы, фабрики, железные дороги и проч. и проч. Все это можно лишь обобществить, сделав эти богатства достоянием всех трудящихся, всего народа. А это может быть достигнуто только при полной ликвидации капиталистической системы и при помощи социальной революции, которая и положит начало новому, свободному, коммунистическому обществу, основанному на идеалах передового человечества, на идеях анархизма.

К. Филиппович.

О Саарском плебисците, едином фронте и борьбе против фашизма

(Окончание)

Но вместе с тем исход всенародного голосования на Сааре основательно разрушил и другую иллюзию: **миф о превосходстве политики единого фронта.** „Единый фронт, осуществленный совместным выступлением социал-демократов и коммунистов на Сааре, может служить блстящим примером для всех немецких рабочих“ — так говорится в одной из прокламаций германской коммунистической партии, выпущенной ею после саарского плебисцита. Действительно это блестящий пример как для немецких рабочих, так и для всего вообще рабочего класса. Этот пример

является уроком, показывающим, **чего стоит в борьбе против фашизма единый фронт, осуществляемый политическими рабочими .партиями,** несмотря на „все возрастающий“ размах массового рабочего движения, о котором можно было ежедневно, до 13-го января, читать в прессе, отстаивавшей **статус кво.**

Как это могло случиться — так спрашивали себя многие 5-го марта — что могучее немецкое рабочее движение так позорно позволило сокрушить себя без всякого сопротивления, без борьбы? На это отвечали, что это произошло от того, что рабочий класс раскололся на несколько разных течений. Лишь единство рабочего класса, говорили нам, может обеспечить победу над фашизмом. Но, меньше чем через год, такая же катастрофа повторилась в Австрии. Однако там рабочий класс не был раз'единен из-за партийных раздоров. Там не понадобилось даже заботиться об организации единого фронта, так как среди рабочего класса было осуществлено полное организационное единство. Все рабочие - социалисты принадлежали к одной и той же партии и к одному и тому же об'единению профессиональных союзов. Социал-демократия располагала в парламенте чуть ли не половиной голосов. С 1919 года она управляла красной Веной. И, несмотря на это, ее постигла такая же судьба, как и партию Бебеля. И пример Австрии, и „борьба из-за Саарской области“ должны были бы сделать понятным тот факт, что **слабость рабочего класса происходит не от расколов, и что „единство“ и „единый фронт“ никоим образом еще не обеспечивают успешного исхода борьбы с фашизмом.**

Даже наоборот: „единый фронт“ не только представляет собою для рабочего класса **опасную иллюзию,** на даже угрожает сделаться самым опасным препятствием для всякого дружного совместного революционного действия международного пролетариата, направленного против охватившего весь мир фашистского движения и против империалистической войны.

Когда Коминтерн внезапно приказал своим секциям изменить их прежнюю тактику и открыто предложить „социал-фашистским“ партиям 2-го Интернационала создание единого фронта, то такое изменение тактики было продиктовано интересами иностранной политики государственно-капиталистической России, прислужниками которой с самого начала их существования являлись московский Интернационал и связанное с ним об'единение профессиональных союзов (Профинтерн). Ибо Коммунистический Интернационал перестал быть фактором „всемирной революции“ не со времени водворения „сталинской бюрократии“, как это утверждают коммунисты, находящиеся в оппозиции к сталинскому режиму. Ведь эти коммунисты оппозиционной фракции и контр-революционный террор большевистской диктатуры открыли лишь тогда, когда собственная их клика стала жертвой „диктатуры пролетариата“.

Вступление „советской“ России в союз капиталистических государств, главной задачей которого с самого момента его основания было обеспечение при помощи французских штыков мира, т. е. именно версальского „мира“, никак не означает какого-то „поворота на сто градусов“ в советской политике, как это представляется социал-демократам. В действительности это вступление Советской России в Лигу Наций было в области высшей политики России лишь еще одним шагом в направлении реакции; еще одним, уже вполне ясным симптомом совершенной ликвидации октябрьской революции. В самой России эта ликвидация стала совершившимся фактом уже со времени кронштадтской бойни, организованной Троцким, введения „Нэпа“ Лениным и ликвидации советов посредством террора и насаждения бюрократии, к которым прибегла партийная диктатура.

Вступление России в Лигу Наций есть лишь продолжение уже давно осуществлявшейся русской государственной политики, поставившей себе задачу заключения дипломатических и военных союзов на случай войны с капиталистическими государствами. Вступление в Лигу Наций было точно таким же логичным, с точки зрения советской политики, шахматным ходом, каким были дружественные договоры с турецкой диктатурой и итальянским фашизмом; каким были усилия добиться признания советской России Соединенными Штатами. Россия, которой при современной политической коньюнктуре угрожает опасность со стороны Японии и Германии, надеется найти в Лиге Наций, из которой выступили враждебные России государства, надежную опору для своей политики заключения союзов с разными государствами, в особенности же с французским империализмом. Нечего удивляться этому вступлению России в Лигу Наций. Но чудовищно было то обоснование необходимости этого шага, с которым русские коммунисты выступили перед форумом русского и международного пролетариата. В тот момент, когда даже реформистским рабочим массам начало становиться ясным, вследствие провала конференции о разоружении, что установление международного мира при

помощи Лиги Нации является сущей иллюзией, — в этот то момент коммунисты об'явили этот союз империалистических государств орудием осуществления мира! Этим была создана основа для создания единого фронта с империалистической буржуазией и с социал-демократией. Социал-демократы тотчас же поняли значение этого шага для их политики. Не без некоторой иронии один социал-демократический орган печати восторженно приветствовал появление представителя советской России в Женеве следующей цитатой из Шиллера: „Пришли вы поздно, но в конце концов пришли. Далекий путь снимает с вас вину за опозданье".

Как отметила советская пресса, авторитет Лиги Наций повысился благодаря вступлению в нее советской России. Социал-демократия увидела в этом шаге советских дипломатов подтверждение правильности социал-демократической политики не только в области международных отношений, но и в национальной области. Действительно, ведь сотрудничая с буржуазией социал-демократия делает в национальном масштабе лишь то же самое, что советская Россия сделала в масштабе международном. Социал-демократы делают из этого тот вывод, что, коммунисты, если они желают быть логичными, должны подвергнуть пересмотру все свое отношение к тактике социал-демократии. Дорога в Цюрих не длиннее дороги в Женеву: после вступления в Лигу Наций могло бы оказаться возможным и об'единение с Вторым Интернационалом.

Но пока социал-демократические партии в тех странах, где они попрежнему следуют уже испытанной „политике терпимости" Брюнингского периода, или где они вступили или надеются вступить в коалицию с буржуазными правительствами, еще не проявляют особого энтузиазма по поводу возможности об'единения с коммунистами. За исключением „блестящего примера" на Сааре, стремление к об'единению оказалось успешным лишь во Франции, где не только осуществлен единый фронт, но и ведутся переговоры относительно органического об'единения обоих политических партий и связанных с ними профессиональных организаций.

Значение этого единого фронта становится ясным при сравнении его с предшествовавшим ему единым фронтом, осуществленным генеральным штабом французского империализма с красной армией. Создание этого единого фронта было официально провозглашено с трибуны французской палаты депутатов докладчиком Аршембо, сказавшим следующие, произведшие сенсацию, слова: „Я констатирую, что русская армия очень сильна и вполне вооружена и что нам предложили воспользоваться этой армией в случае конфликта с Германией".

Что будет делать французская коммунистическая партия, если, как это и произойдет, сегодня или завтра вспыхнет империалистическая война и красная армия поспешит на помощь французскому империализму? Ответ на этот вопрос ясен. Коммунистическая партия поступит так, как поступила социал-демократия в 1914 году, как она поступает теперь и будет поступать завтра. Иными словами, французская коммунистическая партия заключит мир с буржуазией. Этого требует Москва, этого требует также и французский империализм; вот каков истинный смысл единого фронта. Нельзя служить двум господам: и генеральному штабу французской армии, и революционному действию против войны. Нельзя быть одновременно и союзником французского империализма и союзником населяющих колонии народов в их борьбе против империалистических угнетения и эксплуатации. Поэтому и французский орган крупных промышленников и дипломатов „Кве д'Орсей" отметил, что было бы в интересах русского советского государства совсем прекратить уже и без того ослабленную пропаганду коммунизма в колониях тех стран, на помощь которых советское правительство рассчитывает в случае вооруженного конфликта.

Единый фронт для ведения империалистической войны? Действительно, **такова**, при трезвом взгляде на вещи, чудовищная перспектива, рисующаяся в результате этого партийного и государственного политического маневра, создающего угрозу новых катастроф, жертвой которых может сделаться рабочий класс во всем мире.

Теперь необходимо помешать тому, чтобы этот „единый фронт" не сыграл роль того трамплина, при помощи которого обанкротившиеся политические партии и потерявшие доверие рабочих профессиональные союзы оказались бы снова прочно стоящими на ногах, снова находящимися у кормила правления, получив возможность осуществить свои партийные политические и государственно-диктаторские цели.

То единство, которое необходимо для завоевания социализма, для наступления социальной революции, удастся осуществить только выступая против единого фронта всех политических партий и всех государств! Только рабочее движение, не связанное ни с какой политической партией и борющееся со всеми подобными партиями, не защищающее интересов

никакого государства, об'явившее войну всем государствам и вообще государству, как таковому — только такое рабочее движение будет в состоянии подняться против фашизма и упразднить все войны.

Единообразное действие, единство действия, прямое действие для сопротивления, для нападения и для победы не облегчается созданием единого фронта ради целей сепаратизма, или ради об'единения политических партий, или ради совместного ведения войны. Такой единый фронт ведет только к новым иллюзиям, к новым поражениям. Но что если народные массы станут на сторону идеи подобного единого фронта? — Тогда остается для нас только одно: **„Пойдем против течения!“** Важнее „роста массового действия“, не выражающегося даже в 9%; важнее „огромных политических побед“, оказывающихся на самом деле катастрофой; важнее „пролетарского единства“ . . . под крылышком французского генерального штаба; важнее всего этого окажется тогда наличность меньшинства, неуклонно держащего высоко знамя **международной пролетарской классовой борьбы, прямого революционного действия и непримиримой враждебности ко всякой войне.**

В эпоху все усиливающегося кризиса, обострившейся капиталистической диктатуры и усиливающегося фашизма, надо говорить снова и снова всем рабочим: в повседневной борьбе против нищеты, против безработицы, против возведенных в науку способов эксплуатации и порабощения, против бесправия и грубой государственной диктатуры и, наконец, против варварства вновь угрожающей миру международной бойни — против всех этих зол есть только одно единственное средство: свержение владычества буржуазии, уничтожение государства и завоевание трудящимися всего того, на чем основано народное хозяйство. Трудовые массы должны завладеть фабриками, землей и реорганизовать весь общественный строй на основе свободно-избираемых советов. Таков путь, выводящий из кризиса; таков путь к социальному освобождению, к обезпечению всех работой, хлебом и миром. Таков путь к социализму.

А. Мюллер-Ленинг.

Смысл Вашингтонского Протеста

Всем известно, что в России диктатура Коммунистической Партии, выродившаяся в диктатуру одного лица — Сталина; всем известно, что русское правительство не отвечает перед народом, а отвечает только перед Центральным Комитетом партии, точнее перед Политическим Бюро, и еще точнее перед Сталиным; всем известно, что политика правительства, его внутренний и внешний курсы определяются не С'ездами Советов, а Ц. К. партии; одним словом, всем известно, что русское правительство есть лишь один из многих отделов или бюро Ц. К. партии.

Всем также известно, что в России монопольным собственником является государство; государство же, как известно, конкретно и жизненно олицетворяется правительством, правительством же России является Компартия, следовательно, она в действительности и является монопольным собственником, она черз свой Ц. К. бесконтрольно распоряжается решительно всем: собственностью, свободой и жизнью русских граждан.

Ни для кого не является также секретом и то, что Русская Компартия создала Третий Коммунистический Интернационал — Коминтерн, что она является в нем преобладающим элементом, что этот Коминтерн поставлен в экономическую зависимость от русской партии-правительства: субсидии, даровое помещение и пр.; всем известно, что главными секретарями до последнего похоронного 7-го конгресса были члены Русской Компартии, что тактика и идейные установки Коминтерна вырабатывались русским правительством, т. е. Ц. К. Русской Компартии, и что эта выработка исходила из чисто русских партийно-государственных интересов, которые часто подменялись интересами личными, интересами „кликизма“ и „вождизма“. Всем известно, что представители иностранных партий выполняли и продолжают выполнять волю русского правительства и что Коминтерн в целом был и есть, фактически, подсобный орган Комиссариата Иностранных Дел: он проводник русской иностранной политики. Нет ничего, поэтому, удивительного в том, что Коминтерн, как хорошо оплачиваемый верный лакей, за время своего существования ни разу не восстал против диктовки из Москвы, а покорно скреплял своей печатью все, что ему преподносили: террор и бесправие в России, кронштадтские расстрелы, „нэп“, союз с Чай-Каншеком и борьбу против него, союз с Муссолини, союзы с турецкой диктатурой и персидско-афганистанским деспотизмами, изгнание Троцкого, „социализм в одной стране“, массовые расстрелы за убийство Кирова, издевательства над Зиновьевым-Каме-

невым, вымаривание голодом русских крестьян и сверх-капиталистическую эксплоатацию русских рабочих, „диктатуру фашизма в Германии, как переходную ступень к диктатуре пролетариата“, военный союз с французской буржуазией, договоры о выдаче террористов, борьба с социалистами, как с социал-фашистами, и единый фронт с этими же социалистами и даже с либеральной буржуазией и мещанством. Одним словом, Коминтерн механически штампует все московские фабрикаты и, по примеру русских, ползает на брюхе перед „августейшими“ вождями, именуя себя сперва Интернационалом Маркса-Энгельса, потом — Маркса-Энгельса-Ленина, теперь—Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, а завтра готов прибавить пятое имя счастливчика, забравшегося на вершину пирамиды диктатуры. Словом, ни для кого нет секрета в том, что Коминтерн есть орудие московского правительства. Не хуже других это знали и знают и вашингтонские шелковые цилиндры: они знали это, когда признавали московское правительство и устанавливали с ним нормальные дипломатические и торговые сношения. Когда Литвинов договаривался с Рузвельтом, последний знал о постоянном пребывании Исполкома Коминтерна в Москве, знал, что когда-нибудь будет созван с'езд Коминтерна, и нигде как в Москве, где будут произносится торжественные речи о мировой революции в целях усыпления революционного внимания пролетариата, подобно тому, как американские президенты произносят торжественные речи о конституции и свободе, под ритмические звуки которых конституция и свобода удушаются разными добавлениями. Почему же, спрашивается, Рузвельт, его министры и преставляемый ими американский капиталистический класс, не внесли, в качестве условия признания, точного и ясного требования удалить Исполком Коминтерна с территории С.С.С.Р., как организации, вмешивающейся во внутренние дела Соединенных Штатов?

Очень просто почему. Потому что и Рузвельт, и его министры, и американские капиталисты прекрасно знали, что Коминтерн — это „полудохлая собака“, которая лает, но не кусает, что Коминтерн не имеет серьезного влияния, что он доживает последние дни, что его оставляют рабочие и что Москва ждет случая, чтобы расстаться с ним, как расстаются с выжатым лимоном. Для них был убедителен тот факт, что, несмотря на все старания, Коминтерн до сих пор не представляет в С.-Ш. никакой силы, что он в стране со 125.000.000 населением за 15 лет деятельности имеет 30.000 приверженцев, по признанию самих коммунистов, а на самом деле, вероятно, в три раза меньше. Им нечего было бояться. Кроме того, опыт других стран показал, что признание неизбежно вело к упадку коммунистического движения. Именно эти соображения и плюс возможность завоевания русского рынка заставили вашингтонских правителей и дипломатов стать на формальную точку зрения, столь милую всем государственникам, и рассматривать московское правительство само по себе, а Коминтерн сам по себе.

Тогда возникает вопрос — на каком основании вашингтонское правительство, ставшее на вышеуказанную точку зрения, выступило с протестом перед московским правительством, на территории которого происходил 7-ой, и вероятно последний, с'езд Коминтерна? Нам говорят — на основании обязательств, данных Литвиновым в его письме к Рузвельту, в котором он обещает: „не допускать образования или пребывания на территории С.С.С.Р. какой бы то ни было организации или группы — и предотвращать деятельность на его территории всякой организации, или группы, или представителей, или чиновников всякой организации или группы — которые имеют целью ниспровержение, или подготовку к ниспровержению, или насильственное изменение политического или социального порядка Соединенных Штатов в целом или в какой нибудь их части, их территории или владении“.

Вашингтонское правительство полагает, что Коминтерн подходит под этот пункт, потому что на его с'езде американские граждане: Фостеры, Браудеры и Грины, выступали с докладами о деятельности компартии в Соединенных Штатах, а поскольку цель компартии — диктатура пролетариата, постольку это является вмешательством во внутренние дела в целях низвержения существующего строя. А так как с'езд происходил на территории московского правительства и правительство знало о том, то московское правительство тем самым нарушило данное Литвиновым обязательство и вмешалось во внутренние дела Соединенных Штатов. Так рассуждает вашингтонское правительство. Но оно забывает одно „маленькое“ обстоятельство, что Американская Коммунистическая Партия — легальная организация, открыто ведет свою работу, принимает участие во всех выборах, даже в президентских, и что американские граждане, принадлежащие к коммунистической партии, на с'езд поехали легально, на нем говорили то, что говорили в Нью Иорке, Чикаго и Вашингтоне. Смешно поэтому принимать речи Фостеров, произносимые в Нью Иорке, Вашингтоне или Чикаго, за вмешательство Москвы во внутренние дела Соеди-

ненных Штатов, когда эти самые речи этих же самых Фостеров произносятся в Москве!

Американское правительство, раз оно стало на формальную точку зрения, отделяющую Коминтерн от московского правительства, имело бы право выступить с протестом только в том случае, если бы один из членов московского правительства, как в свое время Зиновьев, выступал бы на этом конгрессе. Этого не было и вашингтонский протест не имеет формального осонования. Этот протест, с точки зрения дипломатической, грубейшая ошибка, умаляющая столь дорогое всем государственникам „национальное достоинство“. Какая же, в самом деле, причина протеста? Если бы этой причиной были речи американских делегатов, то вашингтонское правительство давно имело возможность протестовать, ибо Фостеры и Браудеры не раз ездили в Москву на пленумы Исполкома Коминтерна, не раз ездили туда за директивами и улаживать внутрипартийные раздоры. Однако тогда никому и в голову не приходило вытащить письмо Литвинова и пустить его в ход. Может быть Соединенные Штаты, т. е. американская буржуазия, разочаровались, и обманулись в своих ожиданиях, связанных с признанием, и пожелали немножко подавить на московское правительство, что бы кое-что выжать из него или, быть может, они ищут повода для разрыва?

О нет, американская буржуазия не желает разрывать отношения с Москвой. Москва ей нужна, как угроза Японии с тыла; она ей нужна для обеспечения своего господства на Тихом океане, на южно-американском рынке, которым угрожает Япония. Россия может быть военным союзником. Это единственная страна, интересы которой совпадают с интересами Соед. Штатов и обоим этим интересам угрожает одна и таже Япония. На Англию американская буржуазия не может расчитывать в случае столкновения с Японией, ибо Англия, Франция и другие страны, заинтересованные в Азии и в южно-американском рынке, несомненно, постараются стать в позицию „третьего радующегося“, ибо им выгодно ослабление и Японии, и Соед. Штатов. Это прекрасно знает американская буржуазия и Россию не зря считает своим естественным союзником в случае столкновения с Японией. Москва тоже знает это и понимает, что признание Москвы Соед. Штатами предотвратило ее войну с Японией.

Нет, ни американские буржуи, ни московские бюрократы не хотят разрыва отношений и, во всяком случае, не склонны разрывать их на основании такого пустяка, который положен в основу вашингтонской ноты протеста.

Чем же все-таки вызвана нота протеста? Ларчик открывается очень просто. Угрозы Рузвельта Москве имеют такой же смысл, какой большевистские речи о социализме — они рассчитаны на простаков, для внутреннего потребления. Во всем этом много визгу, да мало шерсти!

В Соединенных Штатах приближаются президентские выборы, борьба двух буржуазных партий с каждым днем разгорается все сильнее и обостряется с каждым днем. Республиканцы решили дать бой демократам на почве „нью-дила“ и радикализма рузвельтовской администрации. Чтобы опорочить Рузвельта в глазах благонамеренных мелких буржуа и запугать темных мещан, республиканская пресса, В союзе с погромными Горстовскими листками, стала сближать рузвельтовский курс с московским; начали пугать коммунизмом; „мозговой трест“ об'явили большевиками, „нью-дил“ — социализмом. Подняли со дна общественной жизни все реакционные „национал-патриотические“ организации, разные „легионы“ и „виджилянтис“. Об'явили крестовый поход под флагом свободы и конституции против всякого радикализма и либерализма. Малейшую политическую терпимость стали об'яснять потыкательством коммунизму. Малейшие попытки ограничения самовластия фабрикантов и земельных тузов — московской диктатурой; робкую попытку обложения налогом крупных капиталов — „разделом имущества“. Одним словом, по всем видимостям выходит, что в Вашингтоне не „Белый Дом“, а „Смольный Институт“. Москва и коммунизм стали исходными пунктами аттак рузвельтовского режима. Конгресс Коминтерна подлил масла в огонь.

Вместо того, чтобы приветствовать поворот Коминтерна в сторону союза с буржуазией и аплодировать его повороту вправо на 180 градусов, республиканская пресса, в виду готовности Коминтерна поддерживать на выборах Рузвельта, подняла еще больший вой, крича, что „нью-дил“ выиграл поддержку коммунистов, обзавелся новыми союзниками. Чтобы парализовать эту предвыборную пропаганду и отделаться от неожиданных союзников, Рузвельт со своими советниками решился на рискованный шаг.

Несмотря на страшно обостренное состояние Европы, чреватое войной, несмотря на грозовые тучи в Азии, Рузвельт, во имя личных и партийных интересов, решился на еще большее обострение международных отношений — он выступил с „энергичной“ нотой протеста. Республиканская пресса была ошеломлена от неожиданности и вынуждена была привет-

ствовать ноту высоко-патриотическим слогом, зная, что она заострена против поднятой ею кампании. Решительный и быстрый ответ Москвы, не пожелавшей принять ноту, охладил **искусственный** патриотический пыл и республиканская буржуазия забила тревогу по поводу возможности серьезных осложнений и дипломатического разрыва, которого она не хочет, несмотря на всю ее бесстыдную анти-московскую кампанию, которая, конечно, носила несерьезный характер и имела в виду тольько внутренний политический рынок. Русский вопрос был вовлечен в сферу политической борьбы и эта борьба поставила республиканскую буржуазию перед возможностью потери Москвы, как возможного союзника в ее борьбе с Японией за господство в водах Тихого океана и на южно-американском рынке. Кто-кто, а уж господа капиталисты прекрасно знают, что дипломатия — это организованное вымогательство, Абиссиния прекрасная иллюстрация, а политика — почетное жульничество, и что политики и дипломаты не считаются ни с „дорогим отечеством“, ни с „цивилизацией и прогрессом“, ни с истиной, ни со справедливостью, а только с голой личной, групповой или классовой выгодой, поэтому американская буржуазия не на шутку испугалась дипломатического шага Рузвельта, не на шутку переполошилась, что, во имя политической победы, Рузвельт может пожертвовать Россией, как возможным союзником в войне с Японией.

„Чикаго Дэйли Ньюс“, орган г. Накса, возможного республиканского кандидата в президенты, выразил эту тревогу готовностью устранить из внутренней политической борьбы русский вопорс.

„Теперь, пишет эта газета от 27-го августа, больше чем когда бы то ни было, во время острого интернационального напряжения, отношения должны продолжаться. Будем выполнять нашу полицейскую работу сами и устраним из политики русский вопрос“.

Газета Накса считает, что нельзя требовать от Москвы выполнения полицейской работы, что это должны делать Министерство Юстиции и Эмигрантский Отдел Соединенных Штатов.

Рузвельт попал в цель, больше того, он одним выстрелом убил двух зайцев, хотя и получил от Москвы роняющий „национальное достоинство“ щелчок по носу. Поскольку цель была достигнута, постольку повторная нота уже носила не угрожающий, а предупреждающий тон. Теперь все, что желают — это чтобы Москва не отвечала на эту ноту и тем оставила за г. Гуллом последнее слово. Так и случилось. Все устраивается великолепно: и волки сыты, и овцы целы.

Теперь посмотрим на вашингтонскую ноту под другим углом зрения: как эта нота выглядит с точки зрения свободы и интересов рабочего класса? Как будто смешно ставить этот вопрос в такую плоскость. На самом же деле это не так смешно, как многим кажется.

Правительство Рузвельта считают очень либеральным, мы, анархисты, считаем его правительством „либерального фашизма“. Беда со всеми этими либеральными правительствами та, что все они, в конце концов, подобно социалистическим правительствам в буржуазных странах, решаются на такие реакционные акты, на которые не решилось бы ни одно консервативное правительство конституцион. или республиканских государств. Вашингтонская нота относится именно к этой категории реакционных поступков либерального правительства.

Нас трудно заподозрить в симпатиях к государственному коммунизму, да и вопрос здесь не в симпатии или антипатии, а в праве рабочих организаций, независимо от их политической ориентации, иметь интернациональные с'езды и обсуждать все вопросы, которые волнуют международное рабочее движение. Вашингтонская нота отрицает это право за рабочими. Анархистам давно уже отказано в этом праве и Международное Товарищество Рабочих вынуждено держать свои мировые конгрссы нелегально; теперь это право отнимают от коммунистов, завтра от социалистов, а после завтра не смогут иметь своих интернациональных конгрессов даже мирные буржуазные пацифисты. Так всегда начинают; возьмем, например, Соед. Штаты. Здесь сперва провели закон против анархистов, потом к нему прибавили „криминальных“ синдикалистов, затем коммунистов, а теперь к нему пришивают вообще всех радикалов — иди доказывай, что ты не лошадь и не подкован . . .

Или возьмем Россию — сперва лишили прав буржуазию, потом рабочих социалистов и анархистов, а затем вообще контрреволюционеров, т. е. всех, кто не разделяет взглядов компартии и не желает молчать. Точно тоже повторяется и на международной арене. Вашингтонская нота, может быть и не имела этого в виду, но именно таковы выводы из нее и других быть не может. Мы знаем, что московское правительство не разрешит на своей территории никаких анархических или социал-демократических с'ездов, мы знаем, что члены коминтерна защищают московскую деспотию и готовы установить такую же деспотию в любой другой стране, что эта, с нашей точки зрения,

контр-революционная организация пролетариата, тем не менее, в интересах международного пролетариата, **мы должны и обязаны бороться со стеснениями свободы кого бы то ни было,** чтобы не повторилось в международном масштабе то, что имеет место в России, в Америке и в других странах.

Рассматривая ноту с точки зрения освобождения мирового пролетариата от реакционной коммунистической идеи „диктатуры", мы видим, что нота гальванизирует труп государственного коммунизма, потому что она ставит многих пролетариев в позицию защиты „пролетарского отечества" от несправедливых наскоков буржуазии, что в свою очередь мешает рабочим разглядеть контр-революционную сущность Коминтерна и Москвы и их последний поворот на 180 градусов к грабительской и империалистической мировой буржуазии.

Наша задача — разоблачать махинации всех правительств, советских и буржуазных, и выставлять их в настоящем свете перед рабочей массой, чтобы она, наконец, поняла, что всякое правительство означает рабство и что свободу, экономическое равенство, справедливость и интернациональное братство возможно будет осуществить только на развалинах всех и всякого рода правительств, путем создания вольной и равенственной конфедерации всех народов.

Г. Максимов.

ЭРИХ МЮЗАМ

(Родился в Берлине 6-го апреля 1878 г., замучен в концентрационном лагере 10-го июля 1934 г.)

Свободническое движение сейчас находится под знаком застоя или прямого отступления. Вполне возможно, что так чувствуют многие наши друзья. Хотя нам кажется, что было бы ошибочно преувеличивать слабость нашего влияния на ход современного рабочего движения. Мы всегда и повсюду были численно слабы. Мы не можем хвастаться крупными организованными свободническими организациями. Наше слово далеко не всегда было слышно четко и внушительно среди работников умственного и ручного труда. Все же не даром пропал наш след. Наши идеи влияли в прошлом. Они и сейчас пускают корни в гущу народных масс. Иному, не в меру нетерпеливому товарищу, наше влияние кажется не достаточным или слишком слабым. И понятно: сейчас по всему миру растет волна увлечения идеями диктатуры и сильной власти. Мертвящая апатия охватила ряды много-миллионных рабочих масс. Порой кажется, что оцепенелое трудовое человечество готово безропотно и бездумно пасть в пучину новых унижений, страданий и самоубийственных судорог.

А все таки . . . „все таки она движется!" Мы не имеем права отчаиваться. Наше влияние — правда, косвенное — медленно, но упорно растет. Идеи самодеятельности масс и личностей в массе, свободный дух прямого действия — они, кажется нам, развиваются и пускают корни. Правда, растут они „путем зерна", не заметно, не спеша и без крупных реклам. Но наиболее вдумчивые в нашей среде никогда не питали преувеличенных, а посему вредных, надежд на близкую и полную победу наших идеалов. Ведь наши требования к себе и к окружающим нас слишком суровы, наш подход к жизни и к событиям слишком нов, наш путь требует столько внутреннего роста, тихих подвигов и упорной работы над собой и с широкими массами, что было бы наивно ожидать немедленного торжества наших идей экономического равенства и полной политической свободы. Но мы твердо уверены во внутренней правде нашего движения. Мы пока не видим другой возможности для действительного освобождения рабочих городов и деревень кроме пути свободнического коммунизма. Наш жребий брошен. Мы должны подвигаться вперед на путь самоосвобождения и, если суровая жизнь потребует, самозаклания во имя нашей высшей правды, во имя нашей неутомимой жажды жизни и красоты.

Наш немецкий товарищ, Эрих Мюзам, дошел до скорбного конца на этом пути. Он всей душой ненавидел мракобесов и рабовладельцев. Всю свою жизнь он посвятил борьбе против мещанского благодушия, законопослушности и затхлой морали умирающего мира. Немецкие фашисты ненавидели Эриха. И они имели на это полное основание: Эрих Мюзам был анархистом и пламенным врагом гитлеровской реакции. Как только мы узнали, что Мюзам арестован, мы не сомневались, что теперешние правители Германии не выпустят из рук живым вольного певца Социальной Революции.

Эрих был сыном зажиточной среднемещанской еврейской семьи. Детство и юношеские годы его протекали в провинциальном городе Любеке. Из авто-биографии, составленной Э. Мюзамом в бытность его в тюрьме (в 1919 г.) мы узнаем,

что Эрих не нашел ни в собственной семье, ни среди своих учителей достаточно вдумчивого и товарищеского подхода. Он рано начал творить. Но его близкие не оценили его. Он не был образцовым учеником. Из старшего класса гимназии его исключили за крупный грех: он позволил себе напечатать в социалистичсекой газете критический обзор о делах и событиях в гимназии. С большим трудом удалось Эриху получить аттестат зрелости в другом городе. Его отец, владелец аптеки, хотел его сделать фармацевтом. Но не долго работал молодой поэт в аптеке: он, по рассеяности, что-то напутал в рецептах. Эрих должен был махнуть рукой на готовую карьеру благодушного и аккуратного продавца всяких целебных трав и лекарств. Наступили для него годы странствований по Германии и за-границей. В Берлине Мюзам познакомился с кружком молодых писателей, поэтов и револиционно - настроенной молодежи. Встретился он там и с тов. **Густавом Ландауером,** который на него в следующие годы оказал большое и глубокое влияние. Густав Ландауер, анархический мыслитель и своеобразный революционер, заслуживает гораздо большего внимания и изучения, чем наша литература ему до сих пор посвятила. Круг его влияния был не широк. Но неисчезаемый аромат трагической жизни и гибели Ландауера еще долгие годы будет волновать всех тех, кто смело ищет новых путей к открытию неизвестных ценностей жизненной правды, которая есть красота. Возможно, что Эрих Мюзам сразу, не почувствовал и не оценил достаточно Ландауера. Но мы легко можем проследить Ландауеровское влияние на развитие свободнических идей Э. Мюзама.

В 1909-м году мы находим Э. Мюзама в Мюнхене. Он сотрудничает в разных литературных изданиях. Жизнь он ведет беззалаберно-циганскую. Он едко высмеивает, в не-всегда изящных стихах, грехи и добродетели его современников: сытых и самодовольных мещан, благодушных „революционеров" бледно-розовой окраски и будущих правителей до-гитлеровской державы, немецких социал-демократов.

Нам кажется, что общественное и экономическое мировоззрение Мюзама не было достаточно оформлено и выработано. Он был тогда скорей всего поэтом-бунтарем, который отвергал инстинктивно всю несправедливость современного строя, особенно, в его немецком издании: под режимом юнкеров и бюргеров эпохи Вильгельма II-го.

В 1911-м году Мюзам начал редактировать журнал „посвященный человечности", под характерным названием: „Каин".

Декаденствующие и смутно-революционные поэты до-военных годов чувствовали какую-то слабость к таким „демоническим" титулам как Сатана, Вельзевул, Ад, Каин и т. п. Мюзам успел выпустить до войны ряд сборников сатирических и револиционных, стихотворений и пару комедий.

С наступлением мировой войны произошел крупный перелом в личности револиционно - настроенного, анархически-взлохмаченного поэта. Эрих с первой-же минуты об'явления войны занимает резкую анти-милитаристскую позицию. Он ищет связей с товарищами по идее. Зоркое око германской полиции его не выпускает из виду. Мюзама арестовали. Германский переворот (1918 г.) его освободил.

Э. Мюзам сейчас-же вступает в ряды рабочих, которые боролись за новые формы общественно-политической жизни Баварии. Он снова издает журнал „Каин". Но теперь в журнале чувствуется новый, свежий подход к вопросам текущего момента. Мюзам выступает на собраниях, он зовет и будит к строительству социалистического общества. Мюзам тогда защищал идею диктатуры пролетариата, под которой он понимал, как нам кажется, необходимость организованной самозащиты революционной страны против беспощадного террора буржуазии, которая сумела об'единить в один союз „офицеров, попов, разбойников от печати, крупных капиталистов и тред-юнионных бюрократов, в помощь которым спешат многочисленные „интеллигенты", в особенности из рядов национального студентчества." Э. Мюзам никогда не был человеком раз навсегда освященных догм. В 1919-м году Мюзам призывает к организации баварской советской республики, которая „должна связаться как можно скорей с естественным союзником социалистической революции, со славными борцами за мировое освобождение в России".

Большинство анархистов в то время было увлечено пафосом Великой Октябрьской Революции. Эрих Мюзам был, конечно, в их числе. Ему был чужд узкий эгоизм партийных кругов, которые готовы будут отказаться от революционного действия, если оно не произойдет согласно их указке. Немецкие социал-демократы считали, что революция уже завершена, как только самодержавие пало. Сторонники советской идеи, которая, кстати, мало общего имеет с лже-советской формой теперешнего правительства России, они, — спартакисты, левые социалисты и анархисты, — считали, что с падением Вильгельма начинается лишь глава первая

германской революции.

13-го апреля 1919-го года Мюзам снова попадает в тюрьму. На сей раз его арестовали солдаты по приказу социалистического правительства. Все же разница... 12-го июля 1919-го года Мюзама осудили к 15-ти годам крепости. Пять лет и 9 месяцев Мюзам просидел в баварской крепости Нидершоненфельд вместе с некоторыми другими революционерами. 20-го декабря 1924 года Мюзам оставил, наконец, суровое место заключения, где он потерял не мало сил и здоровья.

Многие немецкие товарищи не могли легко примириться с „ересями" Мюзама. Им особенно не понятно было, что Мюзам тогда так энергично выступал за необходимость создания единого фронта против фашистской опасности. Германская коммунистическая партия о честном и действительном едином фронте с анархистами и левыми революционерами и не помышляла. Но имя Э. Мюзама было тогда очень популярно. Революционная молодежь Германии его любила. Он выступал на многих крупных собраниях в пользу арестованных товарищей.

Помнится, как тяжело и обидно было Эриху узнавать понемногу о действительном положении дел в России. Сперва ему не хотелось даже верить рассказам депортированных товарищей. Но Эрих не был „дипломатом". Он мог увлекаться, по человечески ошибаться, но спекулянты от революции, песнопевцы диктатуры над пролетариатом ему были противны. Как только Эрих раскусил правду, он не медля начал требовать от Советского Правительства освобождения русских революционеров.

Э. Мюзам начал издавать анархический ежемесячник „Фанал", в котором он напечатал целый ряд блестящих статей на темы дня. Эрих чувствовал необходимость более четкого пересмотра и переработки вопросов анархической тактики. Но главнейшее внимание Эрих посвятил борьбе против надвигающейся контр-революции. Была какая-то пророческая прозорливость в этом чутком поэте: в то время, когда многие рволюционеры спокойнейшим образом погружались в тину повседневных забот и мелочей, Эрих Мюзам, как буревестник, безустанно звал к борьбе, к уничтожению фашистской змеи.

В начале 1933-го года реакция окончательно победила в Германии. Эрих знал, какая ему грозит опасность. Ему надо было бежать. Но у него не хватило средств на расходы. И возможно, что ему внутренне стыдно было бежать с поля битвы, хотя надежд на улучшение уже тогда не было никаких.

Наши читатели знают о нелепой провокации гитлеровцев, которые подожгли Рейхстаг, чтобы иметь возможность начать кровавый поход против всех их врагов. Эрих был среди первых арестованных.

Было бы слишком тяжело описывать здесь весь мученический путь Эриха. Гитлер и его ад'ютанты ненавидели свирепо революционного поэта, анархического деятеля, пламенного анти-фашиста и в добавок ко всему, еврея — Эриха Мк
Его всячески избивали, ежедневно заставляли хилого поэта выполнить тяжелые и, порой, отвратительные работы. Пьяные опричники германской буржуазии старались довести Эриха до самоубийства. Но Э. Мюзам этого удовольствия не хотел доставить врагам.

Гитлеровцы однажды пришли в камеру, где находился Эрих и они требовали, чтобы он спел песню „Горст Весселя". Он конечно отказался. Его били прикладами, ему выбили зубы, перебили барабанную перепонку. Его тело обратили в кусок окровавленного мяса, но — он не сдался. А ночью, когда палачи, наконец, ушли, сокамерники Мюзама вдруг услыхали: он поет — рабочий Интернационал, песню борющегося пролетариата за новый мир...

В ночь на 10-е июля 1934-го года господа чистокровные арийцы решили положить конец жизни Мюзама. Несколько часов подряд они его избивали. Смерть спасла его от рук озверелых палачей.

Было-бы весьма интересно для русских читателей познакомиться поближе с духовным наследством Э. Мюзама. Особенно заслуживают внимания его статьи о советах, диктатуре пролетариата, и о вопросах анархической теории и практики. К сожалению, его своеобразный стиль и блестящая юмористическая нотка не легко переводимы.

Лично я не чувствую слабости к культу великих людей. Нам, в сущности, не великие нужны люди, а просто люди, настоящие, целостные и стойкие. Таким был наш друг и товарищ Эрих Мюзам. Он рожден был для поэзии. Он любил красоту во всех ее формах. Он творил красивое. Поэтому он умел так пламенно ненавидеть мерзость мира сего, гнусную эксплоатацию человека человеком, тухлую мораль гнилого общества, осужденного на гибель.

Среди борцов за идеалы свободнического коммунизма поэт Эрих Мюзам займет почетное и заслуженное место. Его мученическая смерть — пусть наши потомки о ней память свято хранят!

М. Мрачный.

Государство—трудящимся рабство

В ПОИСКАХ РАБОТЫ

В начале июня 1924 года во всех концах Сибири нужда толкала безработных на Биржу Труда. Дни и недели проходили в томительных ожиданиях работы. Власть ее не давала. Люди начали проявлять личную инициативу. Собираясь группами, вели разговоры, делились сведениями; кое-кто приносил летучие устные телеграммы, по которым, казалось, есть возможность найти работу. И вот, однажды на Иркутской Бирже Труда небольшая группа „перелетных“ сибиряков решила пробираться на Ленские Бадайбинские золотые прииски. Несколько человек рабочих сговорились между собою и двинулись в путь. Я присоединился к ним. От гор. Иркутска до р. Лены мы прошли пешком в 4 дня 150 верст; небольшой наш багаж нам удалось провезти движущимися по дороге обозами. На первой пароходной пристани, куда подходили в весеннюю пору мелководные пароходы, в конторе нам заявили, что пропусков до Бадайбо приезжим из Иркутска не будет: таково, мол, распоряжения высшей власти. От местных жителей мы узнали, что с Бодайбинских промыслов рабочие бегут. Такие неутешительные новости нас однако не остановили на пол-дороге. Мы решили во что бы то ни стало добраться до места и лично посмотреть, что там происходит.

Однажды, проходя по Ленскому мосту, я увидел на другой стороне реки, вдали от пароходной пристани, часть моих сотоварищей, грузившихся в лодку. Я даю сигнал, машу рукой; мне друзья дают знать: „скорей иди, садись!“ Оказывается в мое отсутствие товарищи, долго не раздумывая и не теряя времени, решили купить лодку в 4 весла и пройти таким образом верст 300-400 по р. Лене, а дальше видно будет, что делать. В лодку село 15 человек. Это был безумный риск. Нашу партию составляли: один молодой гражданин с женой и грудным ребенком, одна женщина с 6-7 летним мальчиком, две девушки 16-17 лет, двое юношей того же возраста, остальные 8 человек были более пожилого возраста. Всех нас толкала на это безумное путешествие нужда в куске хлеба. Отплыв верст пять от пристани, все вздохнули свободнее: миновали первую преграду. Впереди предстояла еще одна преграда, но об этом после. Быстро несло нас течение реки: от полудня до захода солнца мы проплыли больше 50 верст. Вечером причалили к сухому таежному берегу, разложили костер и приготовили общий ужин. У всех нас было радостное настроение, сама природа так настраивала: весна, кругом зелень, лес, быстро несущаяся река. Решили здесь переночевать, вторую „заградиловку“ в дер. Жигало решили пройти рано утречком, проплыть по другой стороне предместья, тихонько, крадучись.

Рано утром, чуть забрезжил свет, все были в лодке. Проплыв несколько верст мы оказались вдруг перед небольшим водопадом. Мы взяли вправо по ровному течению реки, но недостаточно. Лодку нашу подхватило сильным водоворотным течением, и мы потеряли управление ею. Что делать? Не лететь же в бушующую бездну, прямо в пасть смерти! В один миг 5 смельчаков прыгнули в воду — (к счастью, было не глубоко) — удерживая лодку руками, они стали направлять ее ощупью к тихому течению, пока не вышли на гладкую воду. Вторично заночевали в тайге, на берегу матушки Лены. На заре проплыли вторую чекистскую преграду. Все воспрянули духом. При восходе красного солнышка молодежь запела песни и сибирские частушки.

По широкой глади реки, по таежным лесам разливалась песня раскатистым эхом. Проплывая по реке мимо деревни, мы видели группы крестьян, которые с удивлением провожали нежданных веселых гостей. А в это время молодые ребята задорно припевали под взмахи весел:

Даешь, Ванька, ваших нет!

Вдоль реки потянулись посевные участки, а на участках у зажиточных крестьян есть бани. Таков сибирский обычай: после работы крестьяне купаются в этих банях. Кому то из наших пришла мысль, а что если нам воспользоваться случаем и вымыться. Мысль прекрасная. Подплываем к берегу, высаживаемся и устраиваем баню. Сначала выкупались женщины, потом мужчины. Настроение у всех было бодрое. Решили плыть еще несколько сот верст. В деревнях делали закупки продовольствия; в поле, на лоне природы, устраивали обед, ужин и ночлег. Так прошли 400 верст до деревни, где добывается соль. Двое молодых ребят и один с женой и ребенком остались на соляных промыслах, а мы, 9 человек, продолжали свой путь еще 200 верст, до дер. Марково, где взяли билеты и сели на пароход до Витима. В Витиме нужно было взять пропуски. Мои друзья добыли их без особенных препятствий и мы ехали до Бодайбо свободно.

В Бодайбо мы увидели ужасную картину: город был переполнен бежавшими с ленских золотых промыслов, а на смену им на пароход с баржами грузились другие рабочие; по узкоколейной жел. дор. сотнями прибывали новые партии рабочих. Я остановил группу рабочих приискателей и вступил с ними в разговор. Спрашиваю: „в чем дело, товарищи?“

— „Да, брат, дела плохие. С ленских приисков все старатели бегут. Бросают все свои „монатки“, десятками лет нажитые, и бегут кто куда. Невозможно работать при советской власти: агентов много наставила. На группу старателей в 4-5 человек — один агент, а агент получает окладное жалованье 80-100 руб. в месяц, его нужно отработать. На работе же, как только не так нагнулся или не так повернулся, подскакивает агент и начинает обыскивать: „Что в руках? что во рту? золото прячешь?“ При царском режиме и то не было этого. С'естных продуктов не доставляют: как хочешь, так и существуй. Обращались к большевистским заправилам по хорошему и делали протесты, а они нам отвечали: „вот, приедет Калинин из Москвы, наладит порядки“. На подобное издевательство иной рабочий ответит: „Неуж-то Калинин глупее других? Калинину не жарко и не холодно и не голодно в Кремле. Поедет он в нашу таежную даль! Да и побоится: того и гляди какой либо старатель схватит вместо самородка и спрячет в Витиме“.

Я имел рекомендацию к одному приятелю моего друга, который работал на телеграфно-телефонной сети. Он отнесся ко мне с полным доверием. Он дал мне совет не оставаться в Бодайбо, в виду чрезвычайной дороговизны: продуктов за деньги нельзя достать, а если и найдется кой-какая работа, то за нее платят 50-60 руб. в месяц и на них прожить никак невозможно. Лучше пробираться

в Якутск. Я нашел работу в Бодайбо, в депо узкоколейной ж. д. На пробу мне положили в месяц 55 червонных руб. Мне пришлось поблагодарить главного мастера и уйти.

За 5 дней я успел познакомиться с достопримечательностями гор. Бодайбо. Для меня особенно ценно и интересно было посмотреть бодайбинский памятник рабочим, расстрелянным при царском режиме в 1908 году.

На 5-ый день моего пребывания, пришел пароход и привел две баржи с Витима для посадки рабочих. Пароходная пристань, блокгаузы и набережная были переполнены рабочими и их семействами. Приход парохода был встречен шумом и неистовыми криками: „Даешь пароход, даешь баржи для посадки! Довольно голодом морить! Комиссарам мясо доставляют живыми быками, а нам, рабочим, нет гнилой рыбы и тухлого хлеба!“

Для посадки опять нужен был пропуск, — право на выезд, — который выдавался лишь тем, кто работал на ленских приисках и мог это доказать соответствующими документами. Что же делать приезжим рабочим, которые не желают оставаться в Бодайбо? Нужно рисковать, итти наудачу и хитрить, чтобы как-нибудь выехать. Я познакомился с одним рабочим семейством, стал помогать переносить багаж на баржу. И с последним узлом остался на барже с семейством рабочего. Проехали верст пять — контроль.

— Ваш билет, товарищ?

— У меня нет билета, не успел взять.

— „Возьмите с этого гражданина в три раза за билет от Бодайбо до Витима“, говорит контролер своему помощнику.

— „Гражданин контролер, почему вы не спросите меня: сколько дней я не ел в Бодайбо? А вы еще хотите с меня штраф взять. Я могу уплатить только за один билет до Витима“

— „Ну, ладно, платите за один билет“, сказал контролер, осмотрев меня с головы до ног.

По приезде в Витим, лишь только пристали к берегу, мы, 8 человек безбилетных и безпропускных зайцев, в один миг выскочили с баржи. Советский чиновник приказал не причаливать к витимскому берегу. Пароход поставили на рейд, где стояли еще предыдущие баржи с 400 семейств. К ним прибавилось еще 200. На баржах поднялся вопль. Рабочие начали орать.

— Даешь витимский берег! Даешь Иркутск! Если не дадите в'езда в Иркутск, разобьем Витим. Даешь берег!“

Кроме этих рабочих из Бодайбо много старателей отправилось пешком до Витима. Шли большой тайгой, больше 500 вер., часто без дорог, волчьей тропой и по безлюдным местам. Можно себе представить настроение рабочего решившегося на такой путь, полный риска, лишений и случайностей. И все это делалось во имя работы, во имя куска насущного хлеба.

Пароходы и баржи, наполненные людьми, стояли по несколько дней на рейде. Людей на берег не пускали, ибо это грозило голодным бунтом, от которого не поздоровилось бы и самим заправилам. Такое бедственное положение продолжалось при мне июнь и июль 1924 года, оставалось оно и после моего от'езда.

Вместе с рабочими, которым удалось вырваться с баржи, я направился в Витимское Милиционное Управление за пропуском. Здесь была картина совершенно обратная бадайбинской: пропуски здесь давали тому, кто не работал на Ленско-Бодайбинских промыслах и не были там зарегистрирован. На свои „чистые“ удостоверения мы без затруднений получили печати и могли уже свободно сесть на пароход и ехать в Якутск.

Н. Ромаш.

(Продолжение следует)

Хроника международного рабочего движения

ПОЛЬША

Положение крестьян

По подсчетам польских экономистов народный доход Польши сократился за время кризиса на 60%. Согласно оффициальным данным, общий индекс промышленного производства сократился на 5%, но производство в текстильной, обувной, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности упало на 15%. Особенно резко сократилось производство предметов потребления. Дефицит же государственного бюджета растет с каждым днем и золотой запас на исходе: в 1930 г. он составлял 1,112 миллионов злотых, а ныне не превышает 500 млн. злотых. Отсюда видно, что народное хозяйство Польши — в развале.

В сельском хозяйстве кризис резко обострился. Прошлогодняя засуха и наводнения, поразившие Польшу, еще более ухудшили положение крестьян. Данные польского министра земледелия свидетельствуют об общем обнищании польской деревни и о катастрофическом падении потребления. Из этих данных видно, что за последние 4 года общее потребление упало на 49%; население городов сократило свое потребление на 18%, а потребление в деревне промтоваров упало на 46%, при чем потребление их мелким крестьянством и сельско-хозяйственными рабочими сократилось на 53%. Суммы, израсходованные на одежду, белье и обувь мелкими крестьянскими хозяйствами, составляли в 1929 г. — 124 злотых, а в 1934 г. — 64 злотых. Потребление табака и спиртных напитков уменьшилось на 40%, а сбыт сельско-хозяйственных машин — на 11%.

Министр земледелия поясняет, что приведенные им цифры „создают определенную картину и позволяют констатировать, что с какой бы стороны мы ни подходили к этому явлению, — со стороны ли товарных оборотов, бюджетов мелких хо-

зяйств или же со статистики городского и деревенского потребления, — мы должны придти к выводу, что обнищание польской деревни вырисовывается исключительно ярко".

Чтобы судить о том, как обирают крестьян в Польше, приведем характерное письмо виленского крестьянина, которому нужно было купить на зиму пару сапог, и с этой целью он решил продать двух баранов. „В надежде получить хорошую цену я собрался в Вильну, лежащую в 70 клм. Здесь начинается наше крестьянское несчастье: я должен был получить из волости „свидетельство происхождения" баранов, что стоило мне 40 грошей, а затем подвергнуть их ветеринарному освидетельствованию, что стоило 2 злотых. Когда я очутился в Вильне, мне велели пред'явить баранов для повторного освидетельствования, и это стоило 5 злотых. Издержки „транспорта" и освидетельствования баранов составили 7 злотых и 40 грошей. После продолжительных торгов мне, наконец, удалось продать баранов за 7 злотых и 30 грошей. За то, что я вырастил баранов, выкормил и доставил их в Вильну, я должен был из своего кармана доплатить 10 грошей. Где же мой заработок, где сапоги? Что ждет меня, мое хозяйство и мою семью?"

Это было до разорения польской деревни. В настоящее время положение крестьян в Польше еще больше ухудшилось. По сообщению польских газет во многих областях западной Белоруссии и Украины крестьяне пережили в 1933 году страшную нужду. В одном только Виленском воеводстве голодало свыше 30,000 крестьянских семейств, а в Пинском — десятки тысяч крестьян питались лебедой и „хлебом" из древесной коры. В ряде районов западной Галиции десятки тысяч крестьянских семейств уже осенью не имели хлеба и картофель считался раскошью, а в прошлом году бедствие охватило более обширные области Польши.

Урожай в прошлом году был значительно ниже предыдущих лет. По данным польского статистического управления он был на 20% ниже урожая 1933 г. Недород охватил территории Львовского, Краковского, Люблинского, Волынского, Полесского, Келецкого и Варшавского воеводств, а в областях, пораженных засухой и наводнением, голод охватил сотни тысяч крестьянских семейств.

Газета „Полония" говорит, что испытываемая населением Польши „нужда является слабым пунктом великодержавной политики" и что **„несколько миллионов людей** в деревне находятся в положении, которое лишь с натяжкой можно назвать условиями человеческого существования . . На пустых желудках трудно строить великую державу". „Полония" приводит ряд данных об обнищании трудящегося населения Польши, о его культурной отсталости и заявляет, что из 32 млн. населения Польши 6 млн. человек совершенно безграмотны, а миллион детей школьного возраста „никогда не будут в школах" и что бюджет министерства народного просвещения на новый фискальный год урезан на 40 процентов.

Из напечатанного в „Робитнике" запроса сейму видно, что в Польше свыше 700,000 детей школьного возраста не посещают школы из-за отсутствия мест и около 700,000 детей лишь номинально числятся в школах, но не в состоянии посещать школу из-за отсутствия одежды и обуви. Несмотря на это, в польских городских школах приходится по 60 детей на одну школьную комнату, в местечковых — от 80 до 100, а на восточных сельских окраинах — от 100 до 140 детей на одну комнату. Отсюда видно, в каком состоянии находится народное образование в Польше.

По данным газеты „Час" валовой доход польского крестьянина уменьшился с 443 злотых на гектар в 1928 г. до 164 злотых в 1934 г., т. е. упал на 631 процента. Валовой доход зажиточного или середняцкого хозяйства, состоящего в среднем из 13 гектаров земли, сократился с 4,034 злотых в 1928 г. до 1,268 злотых в 1934 г. — упал на 68,5%. Положение же бедняцкого крестьянства, составляющего значительную часть населения Польши и владеющ. мелкими земельными наделами, не превышающими 2 гектаров, еще хуже.

Надо заметить, что одновременно с уменьшением доходности крестьянских хозяйств — задолженность их, а в особенности мелких или бедняцких хозяйств увеличивается с каждым годом. В настоящее время польская деревня несет на себе 6-миллиардное бремя долгов и 1 миллиард недоимок, выколачиваемых из крестьян правительственным аппаратом.

В своей книге „Положение крестьянских хозяйств в Польше в 1933-1934 году", изданной государственным сельско-хозяйственным институтом в Пулавах, инженер Цуржитек устанавливает, что до кризиса расходы середняцкого хозяйства на личные потребности составляли в среднем 250 злотых на одного взрослого человека, а в 1934 году — 90 злотых и 65 грошей. По сравнению с 1929 годом крестьянин-середняк расходует теперь на покупку промтоваров гораздо меньше: на покупку одежды — на 64,4% меньше, на покупку белья — на 57,3%, на обувь — на 61,1%, на табак и папиросы — 55,2% меньше и т. д. Что же касается потребления бедняцкими хозяйствами, то оно еще ниже.

Картину тяжкой крестьянской доли и обнищания польской деревни дополняет исследование польского экономиста Михайловского, взявшего за основу своей работы детальный анализ положения крестьянства в Жешовском уезде, Краковского воеводства, в котором из 188,000 крестьянского населения — 90,000 безработные, не имеющие никаких шансов на получение работы в будущем. В своей книге „Деревня лишена работы" Михайловский указывает на **неуклонную деградацию сельского хозяйства, на уменьшение урожайности, на резкое сокращение поголовья скота и на неслыханное дробление крестьянских наделов.** Он пишет: „В 2 крупных селах с 5,000 жителей в течение июля 1934 г. крестьяне купили: 1 корзину, 5 нитяных пуговиц, 1 аллюминивый кубок и 100 грамм гвоздей. Среди 5,000 крестьян продано всех промтоваров на 5 злотых и 35 грошей... Зимой в северной части уезда **в крестьянских хатах встречаешь детей, которые одеты в соломенные мешки за неимением другой одежды. Они замерзают в холодной, неотапливаемой избе".**

Об ужасном положении крестьянства в Польше свидетельствуют также и письма крестьян, частью опубликованные варшавским институтом социального хозяйства в специальной книге и говорящие все об одном и том же: **„Люди голодают. Они отказываются от самого необходимого и продают все, чтобы добыть хоть один злотый. Родители не имеют и капли молока для своих детей...** От недоедания дети падают в обморок... **В деревне половина детей больна чахоткой. Они никогда не едят досыта... Страшно смотреть на людей, как они выглядят, как быстро молодые становятся сгорбленными старцами.** Во время набора лишь каждый десятый новобранец имеет необходимый вес в 60 кило и годен для службы в армии", — пишут крестьяне из Белостокского и Келецкого воеводств.

В предисловии к вышеупомянутой книге проф. Крживицкий пишет, что **„для освещения избы служит теперь фитилек или лучина, но и их зажигают только во время ужина.** Жечь в остальное время считается роскошью. **Спички в целях экономии делят на две и даже на четыре части,** впрочем, все больше входит в употребление кремень. **Крестьяне от кожаной обуви перешли к лаптям из соломы, коры и дерева. Картофель варят в несоленой воде, ибо за соль надо платить".** Крживицкий указывает также на враждебное настроение крестьян; он пишет, что „постоянные изменения к худшему рождают в крестьянском сознании мрачные мысли — все об'единились против крестьянина, чтобы подавить и разорить его, поэтому **в деревне все больше растет недоверие к власти и все чаще слышатся проклятия по адресу Польши".**

„Газета Варшавска" констатирует, что „малоземельные крестьянские хозяйства находятся сегодня в чрезвычайно тяжелом положении: здесь **царит нищета; хлеб является редким гостем; не за что купить керосина; редко можно встретить крестьянскую семью, где бы все члены семьи обладали обувью и платьем",** а в деревнях Станиславского воеводства, в западной Галиции, **„нет ни картофеля, ни молока; население питается исключительно пыреем; дети пухнут от голода".** И далее газета повествует:

„Большинство крестьянских хозяйств перешло в руки ростовщиков. Крестьянам нечем платить налоги, однако податные управления берут последнюю корову. Ежедневно судебные исполнители пригоняют в города из деревень скот, ибо при продаже крестьянского инвентаря с молотка в деревне нельзя найти покупателей. Хлеба крестьяне не кушают. Нищета в деревне приняла невиданные размеры"...

От имени старика-крестьянина „Иллюстрированы Курьер Цодзенны" так описывает настроение в польской деревне: „В настоящее время **молодежь лишена радости, лишена желания работать.** Она какая-то **полумертвая, полузаморенная. Ей на все наплевать — на церковь, закон,** родителей и на семью; им все ни по чем. Раньше было иначе — крестьянин имел хороший доход; на него он мог прожить весь год, а сегодня ... для детей хлеба не хватает... Пройдитесь по деревням, посмотрите на крестьянские избы и вы увидите, как живут люди. Сердце сжимается. **Крестьянин, у которого морген земли (0,5 гектара) и 8 душ детей, пошел бы работать за 50 грошей в месяц,** если бы нашлась работа на стороне... Одни живут по горло и изобилии, а другие **помирают в слезах. Несправедливость и обиды требуют мести, и от этой жажды мести сотрясается земля...** В газетах читаешь все одно и то же: то здесь чиновник проворовался, то в другом месте. Страна наша слишком бедна, чтобы могла прокормить столько воров... Есть и другие дела... Крестьянские дети играли с сыном полицейского и подрались между собою. Отец-**полицейский вбежал во время занятий в школу, вытащил со скамейки крестьянского мальчика, избил его, бросил на землю, измывался над ним.** Вы думаете его привлек кто-нибудь к ответственности? Нет. **Крестьянин не находит ни уважения, ни справедливости. Разве так это всегда будет продолжаться?"**

Таково в общих чертах положение кре-

стьян в панской Польше. Все вышеприведенные данные говорят сами за себя; комментарии излишни. Разоренная финансовым и торговым капиталом польская деревня совсем обнищала. Она бесправна, забита, оборвана и голодна. Положение ее ужасно, но далеко не лучше положение городских рабочих, бьющихся, как рыба об лед, в нужде и горе. Всех их гнетут и морят жестокие и жадные капиталисты, толкающие нуждающихся на разного рода преступления.

Согласно статистическим данным, в связи с общим ухудшением экономического положения, число преступлений в Польше значительно возросло: в 1933 г. было совершенно 15,000 убийств, свыше 55,000 ранений при грабежах и 69,000 краж, а в 1934 г. — 18,000 убийств, 60,000 ранений при грабежах и около 500,000 краж.

Вследствие неслыханного обирательства властями крестьянства и частых продаж крестьянского имущества за неуплату долгов, в Польше часто вспыхивают крестьянские волнения и бунты, продолжающиеся иногда по несколько недель и уносящие много жертв со стороны крестьян, а также и полиции. Эти частые крестьянские восстания принудили правительство приступить к „финансовым и земельным реформам", заключающимся в том, что с 2 млн. крестьян, попавших в неоплатные долги, и 50,000 помещиков, владеющих небольшими земельными угодьями, будут урезаны немножко долги и снижены проценты по закладным. Само собою понятно, что „реформа" эта ничего не разрешает.

Рабочая и крестьянская нужда, их горе и тягости, их лишения и муки переходят в ненависть и злобу по отношению к правящим классам. Недовольство растет с каждым днем в обездоленных массах трудящегося населения Польши. Клокочущий в миллионах сердец гнев прорывается лишь в разрозненных крестьянских бунтах и рабочих забастовках, ставших повседневным явлением в Польше, когда рабочие не уходят с работы, а захватывают предприятие. Силы эти могут одновременно вспыхнуть ярким пламенем революции.

Действительное обновление и очищение общества от плесени и грязи может дать только СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, в корне меняющая всю структуру современного общества, построенного на началах капитализма, и организующая новое общество на началах СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА и БРАТСТВА.

П. Гордин.

ИСПАНИЯ

Воззвание Национального Комитета Защиты Политических заключенных к общественному мнению всего мира

Рабочие, свободные люди, граждане всех стран, выслушайте нас! Наш голос — крик тысяч идеалистов, избиваемых и пытуемых в инквизиционной Испании; это крик заключенных, попавших на кладбище живых в результате борьбы за лучший мир.

Не было и нет таких условий, с которыми можно было бы сравнить условия испанских политических заключенных. Мы не преувеличиваем, наоборот, мы только повторяем факты. Каждый день приходят к нам факты, подтверждающие тюремные ужасы. Нам, например, пишут: „Мы не можем больше терпеть. Мы доведены до состояния простых человеческих тряпок. Нас избивают, нас пытают. Если что-либо героическое не будет сделано, мы будем истерзанными кровавыми телами с раздробленными подбородками" . . .

Вот вести из тюрьмы в Алкала де Хенарес: „Положение нельзя даже сравнить со скотобойней. Мортиролог растет. Мясник убивает сразу, тогда как в Алкала лучше быть грабителем, чем идеалистом". В Алкала принудительный труд и господство кнута. Единственные врачи, которые посещают больных заключенных — это тюремные стражи, являющиеся убийцами. Да, убийцы, мы можем доказать это.

Разве поступки, совершенные над молодыми людьми, отказавшимися стать на колени в свою собственную кровь и просить извинения за курение, когда их избили до бессознания и многих серьезно изувечили, не являются поступками убийц? Да, это подлые убийцы, потому что после таких жестокостей они продолжали „обращаться" следующим образом: избитых бросили в карцеры, не дав им даже соломенных матрацев, применяли к ним самые зверские пытки бичевания: тридцать ударов кнутом ежедневно. Такое „обращение" со всеми политическими и социальными заключенными длится до дня смерти от „воспаления легких", — согласно удостоверению о смерти — от „туберкулеза" или от чего-либо другого.

Несколько недель тому назад тюремная стража Форта де Сент-Кристофля избила до полусмерти свыше сорока политических заключенных. Среди избитых более 24 оказалось с переломанными руками, остальные умерли от „болезней". О подобных случаях мы имеем сведения из тюрем Оканья, Дуэсо и Пуэрто де Санто-Мария. Даже в данный момент — и мы можем это доказать — в тюрьме Бургоса имеются товарищи с разбитыми головами, которых бросили на произвол судьбы в карцеры.

В Леонских тюрьмах с теми, которые были арестованы из предосторожности, поступают следующим образом: судья временно их освобождает, но их немедленно снова арестовывают, избивают и буквально узувечивают. Это повторяется 4-5 раз, в результате такое лицо отказывается выходить на свободу.

В то время, когда политиканы имеют полнейшую возможность устраивать митинги и дурачить массу, мы обречены на молчание: в интересах общественного порядка правительство отказывает нам в равных с ними правах.

Но можем ли мы молчать, когда мы знаем, что наши братья умирают, пытуемые ничтожными и бесчувственными существами?

Нет, нас должны услышать! Весь мир должен знать о тех зверствах, которым подвергаются политические заключенные. Голос справедливости и протеста должен прозвучать на весь мир. Товарищи, возвысьте голос протеста! Да будет каждый из нас борцом за дело заключенных!

Свободомыслящие, и вы, рабочие, производители богатств, услышьте крик о помощи! Заключенные взывают к вам, вы — единственная их защита. Мы не позволим им умереть! Правительство пытается заглушить голос протеста, но мы, верные принципу гуманизма, будем неустанно бороться с ним.

Мы ожидаем, что организации всех стран придут к нам на помощь морально и материально. Без интернациональной солидарности немыслимо будет бороться за дело освобождения политических заключенных.

Свирепые преследования продолжаются в Астурии, Каталонии и во всей Испании. Рабочих бросают в тюрьмы только за то, что они принадлежат к нашим профессиональным союзам. Перед лицом фашистской подлости и террора, не может быть другой великой меры, кроме солидарности и героических усилий со стороны тех, которые еще находятся на свободе.

Не забудьте же вашей священной обязанности — это все, что мы просим у вас.

Национальный Комитет Защиты Политзаключенных.

Цараганца.

ФРАНЦИЯ.

Письмо парижской группы 20-го округа

Товарищи, издающие „Дело Труда“!

Перед нами ваш журнал, издаваемый на русском языке. Мы не знаем этого языка, но один из наших хороших друзей (Волин) любезно берется время от времени служить нам в качестве переводчика.

Мы были бы рады получать „Дело Труда“ в обмен на „Тэрр Либр“ (Terre Libre) — „Свободная Земля“, орган свободнического федерализма во Франции (издающийся на французском языке). В осуществление этого желания мы посылаем с этой же почтой, по вашему адресу, два номера „Тэрр Либр“.

Теперь скажем несколько слов об анархическом движении.

Три соперничающие друг с другом Всеобщих Конфедерации Труда делят между собою французских рабочих сообразно их взглядам на синдикализм. Силы их весьма неравные, принципы их противоречивы, поэтому влияние их создает разлад и вредит делу освобождения рабочих. Мы не можем сказать, когда, наконец, и на каких основах осуществится об'единение рабочих.

С своей стороны и борьба против фашизма вызвала среди анархистов теоретические и практические разногласия. Одни из них стоят за боевой союз с политическими группами и партиями (социалистами и коммунистами 3-го Интернационала); други относятся с непримиримой враждебностью к оппортунистическим соглашениям подобного рода.

Вследствие разногласий местами выходят журналы, имеющие мало общения друг с другом и, в лучшем случае, относящиеся друг к другу снисходительно, как добрые соседи. Одним из подобных периодических изданий является и „Тэрр Либр“ — наш орган, который представляет собою единственную в своем роде, оригинальную попытку применения федерализма.

Посылаем вам проэкт нашей декларации. Это проэкт анархической организации, отвечающей на неотложные нужды, написан под вдохновением, почерпнутым из самой чистой философской традиции анархизма. Чтение этого проекта об'яснит вам, что мы представляем собою и чего мы добиваемся. Ознакомление с этим проэктом даст вам понятие о современном состоянии свободнического движения и о задачах, возлагаемых на тех, кто стремится возродить это движение.

Мы подчеркнули некоторые фразы, чтобы облегчить вам понимание того, что есть, того, что логически должно быть переделано, изменено и, наконец, того, что еще надо будет сделать с целью возможного серьезного возрождения нашей социологической школы.

Мы думаем, что у вас будет возможность перевести это послание. Мы, разумеется, предоставляем вам полное право опубликования этого документа в таком виде, какой вы найдете наиболее подходящим для ваших целей.

Не могли ли бы вы писать нам по-французски или по-английски, если вы хотите вести переписку с нами? Нам было бы легче переводить ваши письма с английского, чем с русского языка.

В ожидании от вас посылки или письма, мы шлем вам братский привет.

За независимую Анархистскую Группу 20-го Округа Парижа

Ренэ Муассон.

Декларация и проэкт организации независимой группы (Париж, 20-ый округ).

ДЕКЛАРАЦИЯ — ПРОГРАММА

Группа 20-го округа, принимая во внимание смертельную нерешительность и идеологическую путаницу, охватившие наше движение, пред'являет следующую программу в надежде, что на почве ее снова об'единятся разрозненные члены анархической семьи.

I. — *Принцип*

Анархизм, с точки зрения индивидуальной, есть прежде всего философская и критическая точка зрения, применяемая к жизни. Далее он является также общественным учением, стремящимся установить режим равенства, который обеспечивал бы каждой личности полное развитие всех ее способностей и полное удовлетворение ее жизненных потребностей в мере, допускаемой требованиями свободы.

II. — *Цели*

В силу этого принципа анархисты ставят себе следующую цель: бороться до одержания окончательной победы против всякого общественного договора, преследующего цели эксплуатации и установление властного авторитета — договора, навязываемого им теперь или предполагаемого в будущем.

III. — *Средства*

Чтобы достигнуть наибольшего могущества и наилучших

результатов в преследовании этой цели, анархистам необходимо определить наилучшие практические способы *организации* и *пропаганды* посредством воспитания и действия.

IV. — *Организация*

Организация анархических элементов требует прежде всего об'единения этих элементов, как в отношении существенных принципов, так и в отношении активного применения этих принципов к общественной среде. Какова должна быть эта организация?

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ.

I. — *Общие принципы*

А. *Название.*

Независимая Анархическая Федерация для лиц, об'единяемых французским языком. (Н. А. Ф. Ф.).

Б. *Основа организации.*

Организация покоится на полном и постоянном согласии каждого отдельного лица с принципами и целью, формулированными в декларации-программе.

В. *Структура.*

Основной единицей всей организации признается индивидуум, проявляющий свою личную деятельность в пределах местной группы, состоящей в связи с другими группами при посредстве интергруппы, которая в свою очередь участвует в общей организации, т. е. в Независимой Анархической Федерации для лиц, об'единенных французским языком (Ф. Н. А. Ф. — Франц. Независ. Анарх. Федерация).

Г. *Автономия.*

Автономия каждой личности, группы и интергруппы во всем, что касается вутренней администрации и пропаганды вполне гарантируется, позволяя им сообразовать свою деятельность со средствами, ресурсами и надобностями местной и областной деятельности.

Д. *Личное присоединение к всеобщей организации.*

Всякое лицо, имеющее на то какие-либо особые причины, имеет возможность присоединиться непосредственно к Французской Независимой Анархической Федерации (Ф. Н. А. Ф.), не принадлежа ни к какой местной или областной группе. Но такое лицо, будучи лишь отдельной личностью, не может исполнять какие-либо обязанности или занимать какие-либо должности, относящиеся к кругу органической деятельности лиц, примыкающих к каким-либо коллективным организациям. *Равенство прав логически предполагает, также и равенство обязанностей.*

Е. *Международное движение.*

На ряду с необходимостью организации в рамках отдельных национальностей (в данном случае лиц, об'единенных французским языком) анархисты, желая оставаться верными принципу интернационализма, должны находиться в постоянных сношениях с заграничными анархическими группировками. С этой целью они будут участвовать в создании, жизни и развитии международной организации, призванной оказать величайшие услуги всемирному анархическому движению.

Эта организация могла бы носить название Международного Анархического Товарищества.

II — *Финансовый вопрос*

„Нерв войны — это деньги".

1. Для группы, интергруппы и федерации крайне необходимо обладание солидным и постоянным денежным фондом. Это необходимо как для того, чтобы отдельные единицы, составляющие каждую данную организацию, могли проявлять свою деятельность, так и для поддержки анархического движения в его целом.

2. Для обеспечения существования этого денежного фонда имеется лишь одно средство: регулярное поступление членских взносов, минимум которых должен быть определен путем всеобщего совещания.

3. Уплата взносов предполагает три вещи:

А. Членский билет.

Б. Квитанцию, отрываемую от корешка, остающагося в книжке квитанций.

В. Квитанцию, извлекаемую из книжки дубликатов.

В целях наиболее действительного контроля кассы, наш выбор остановился на квитанциях с дубликатами, так как эта система кажется нам наилучшей.

4. Время присоединения к организации должно отсчитываться от определенной начальной даты, которую нужно будет установить. (1-ое мая?)

Заключение.

Мы думаем, что в предыдущем мы исчерпали и изложили в общих чертах все, что касается организации в собственном смысле этого слова. Теперь остается выяснить вопрос о пропаганде.

III. — *Пропаганда*

Анархическая пропаганда должна быть всегда в совершенном согласии с принципами и целью, являющимися ее источником. Это положение бросает яркий свет на теоретическую позицию анархического движения по отношению к другим системам, партиям и политическим влияниям.

Во-вторых, желание быть реалистами, заставляет нас наблюдать современную историческую эволюцию и считаться с тем, что возможно и что невозможно. Для анархистов всего важнее уменье считаться с действительностью. Если мы ни на минуту не будем утрачивать этого реалистического отношения к событиям, то это убережет нас от всякого сентиментального мистицизма, и от слепых и безсознательных компромисов.

Наша формула действия такова:

Будем изучать прошедшее, жить в настоящем и проэктировать будущее.

А. *Современное положение дел и анархисты.*

1. Борьба против фашизма и войны должна вестись нашими собственными средствами, т. е. согласно нашему собственному вдохновению, нашей инициативе, нашей способности к действию. История политики, равно как и заинтересованность правых и левых фракций в войне и государственной диктатуре, заставляют нас оставить всякую мысль о совместном действии с этими фракциями и всякие исходящие от них предложения о вступлении в связь с анти-фашистскими комитетами политиканского типа.

Но анархисты всегда и везде должны находиться в соприкосновении с народными массами, чтобы сообщать им сознательный бунтарский дух и понимание их действительных интересов.

В действительности народное дело, спасение народа, его освобождение нисколько не зависят от той или иной политической системы, а, напротив, от сознательного отказа подчиняться какой бы то ни было демагогии, *единственно только от его воли к освобождению.* Достаточно уже того, что людское стадо соглашается покорно идти туда, куда зовет его голос пастуха. *Наша же роль* состоит в том, чтобы освободить это стадо от этой держащей его в мраке опеки, чтобы открывать людям глаза, неустан-

но обличая их ослепленность и двоедушие политиканов, жертвой которых постоянно оказывается народ.

Такова *непримиримость* нашей позиции. Она не только не вынуждает нас к бездействию, а, наоборот, придает нашей борьбе тот характер нравственной энергии, который является отличительным признаком всех прекрасных движений и всех честных умов. Поступая таким образом мы сможем справедливо сказать себе, что мы никогда не отступили от свободы мысли и от глубоко укоренившихся традиций „анархической мастерской“.

По такой верности принципам и по *делам их* человечество судит людей.

2. Синдикализм. Отношение наше к синдикализму исходит из тех же соображений. С нашей точки зрения настоящий синдикализм по существу своему анархичен; он аполитичен и противугосударственен. Это тот синдикализм, который охарактеризован лионской хартией и конкретно выражен в декларации, устанавливающей принципы организации Синдикалистской Революционной Всеобщей Конфедерации Труда (1926 г.).

Однако, принимая во внимание требования индивидуальной автономии и существующее *в настоящий момент* критическое положение дел, мы оставляем за каждым право самоопределения во всем, что касается отношения к синдикалистскому движению.

Пусть каждый сторонник анархизма, участвующий в синдикалистском движении, не забывает того, что он анархист. Прочее же — т. е. большая или меньшая доля оппортунизма — будет уже делом *чистой необходимости*, которая не требует от *отдельной личности* того, что ей не по силам, равно как и того, чтобы она приносила в жертву универсальность своего *идеала*.

3. Просветительная пропаганда. Принимая во внимание, что нравственное и умственное освобождение человечества предполагает постепенное изменение характера отдельных личностей, мы видим, что роль анархистов состоит в том, чтобы распространять освободительные идеи, содействующие достижению этой цели.

Для памяти отметим следующие пункты:

а) Борьба против милитаризма.

б) Борьба против религии.

в) Борьба против алкоголизма.

г) Борьба против нео-мальтузианства.

д) Борьба против господствующих в настоящее время нравственных понятий, касающихся отношений между полами.

Б. *Средства пропаганды.*

1. Посредством примера. — Обязанность всякого анархиста по отношению к самому себе состоит в том, чтобы, по мере своих сил, быть живым примером истинности и красоты своей веры.

2. Посредством слова. — Слово есть могущественное средство распространение идей. Поэтому как отдельным лицам, так и группам следует организовывать собеседования, лекции, митинги и манифестации, как в целях просвещения, так и в целях борьбы.

3. Посредством печати. — Мы понимаем под этим: а) летучки, б) листовки и в) афиши, которые должны касаться как местных злободневных вопросов и событий, так и событий, имеющих национальное и международное значение, дающих возможность выяснять народным массам достоинства анархической философии и социальной критики.

4. Посредством брошюр. — Ввиду простоты, с которой могут быть выражены анархические идеи, и легкостью, с которой они могут распространяться, нам следует проявить инициативу и широко поставить пропаганду посредством брошюр, пользуясь для этого материалом, содержащимся в литературе анархизма, а также прибегая к изданию новых брошюр.

5. Посредством книг. — Группы, интергруппы и национальная федерация должны иметь в виду организацию методически составленных библиотек, которые позволили бы достигнуть наивысших результатов в области просветительной пропаганды.

6. Посредством прессы. — Важность этого вопроса требует подробной его разработки. Поэтому мы посвящаем ему, равно как и вопросу об организации административной стороны Французской Независимой Анархической Федерации и интергруп, специальное сообщение. В этом последнем, в ряде отдельных, вполне определенно формулированных статей, перечисляются принципы, которые должны быть положены в основу анархической прессы, и способы ее организации.

IV. — *Взаимопомощь.*

Анархисты оказывают поддержку всем своим товарищам, подвергающимся репрессиям и привлекаемым к судебной ответственности. Они берутся оказывать им помощь, как из своих личных средств, так и из средств комитетов, создаваемых с этой целью.

Общие заключения.

Группа 20-го округа *единогласно* пред'являет вам эту программу, являющуюся результатом серьезного изучения вопроса. Группа думает, что ей удалось выработать программу краткую, свободную от всяких лишних подробностей, но в то же время достаточно определенную, чтобы все могли хорошо понять ее и сделать ее предметом полезного *обсуждения*. Группа полагает, что крайне необходимо осуществить эту программу на деле. Она берется защищать ее, беря на себя, в случае надобости, ответственность, связанную с ее осуществлением. Ггуппа согласна взять на себя эту ответственность, если все, принимающие эту программу, выразят свое полное согласие с ней и свое намерение оказывать *действительную поддержку* проведению ее в жизнь. Мы заканчиваем этот проект программы большим вопросительным знаком и выражением доверия и надежды.

Независимая Анархическая Группа 20-го округа

Сентябрь 1934 года.

Независимая Анархическая Группа 20-го округа, желая приняться за дело как можно скорее, просит отдельных лиц, группы и федерации ознакомиться с этой программой, обсудить ее и, если они согласны с нею, уведомить нас об этом. Если же, наоборот, они с чем-либо несогласны, то мы просим их сообщить нам с какими именно пунктами они несогласны. Мы ждем ответа. За работу!

Со всеми вопросами, касающимися Независимой Анархической Группы 20-го округа, просим обращаться письменно к

Ch. Marchal, 89, rue d'Angouleme, Paris XI-e.

Рабочие, боритесь за свободу, т. е. за Анархию, за экономическое равенство, т. е. за Коммунизм.

Коммунисты лакействуют перед империалистами

Следуя обещанию, данному Сталиным Лавалю, что Французская Компартия будет поддерживать милитаристскую политику правительства, Французские коммунисты повели самую примиренческую политику по отношению к буржуазному правительству. *Теперь Французская Компартия занимает самые правые позиции во Французском рабочем движении.* Лидер французских социалистов, Леон Блюм, открыто заявил на с'езде своей партии, что, во время последнего правительственного кризиса, французская Компартия энергичней всех настаивала на образовании коалиционного правительства из социалистов и буржуазных партий.

Рыбак рыбака видит из далека . . .

Растет анархическое и синдикалистское влияние

За анархистами и синдикалистами Франции огромная историческая традиция, которая в теперешний кризис дает себя знать. Теперь мы слышим разговоры о росте анархического движения, которое укрепляется, благодаря притоку молодых элементов в революционное движение. Даже троцкистская газета „Верите" — („Правда") — вынуждена отметить это, конечно, как полагается, с большим сожалением.

Французский рабочий класс пробуждается и освобождается от апатии, а это значит, что он вступает на путь революционного действия, т. е. вступает на тот путь, над расчисткой которого так много поработали предшествовавшие поколения анархистов-синдикалистов.

Лед начинает трогаться — это признак весны.

Преследование тов. Ромаша во Франции

Министр Внутренних Дел предписал тов. Ромашу покинуть пределы „свободной" Франции. Полиция охотится за нашим товарищем, как за зайцем. В судьбе гонимого товарища приняли участие Главная Конфедерация Труда и Главная Конфедерация Труда Синдикалистов-Революционеров, входящая в состав Международного Товарищества Рабочих. Надеемся, что эти организации отстоят нашего товарища и вырвут его из рук французской реакции.

ШВЕЦИЯ

С'езд Шведской Рабочей Центральной Организации, примыкающей к Международному Товариществу Рабочих

В первых числах июля месяца состоялся 8-ой конгресс Шведской Рабочей Центральной Организации, существующей уже 28 лет. ШРЦО вышла из раскола реформистских профсоюзов. В первый год своего существования она насчитывала всего 700 членов или даже меньше. Организация приняла платформу Французского революционного синдикализма, „Амьенскую Хартию" — прямое действие, всеобщая стачка и самодостаточность рабочих союзов в деле освобождения рабочего класса. Молодая организация повела энергичную работу и начала быстро расти. Она принимала активнейшее участие в организации Международного Товарищества Рабочих, членом которого состоит и поныне. С момента организации М. Т. Р. она стала все более и более приближаться к современному анархо-синдикализму и теперь ее членский состав не страшится называть себя анархо-синдикалистами.

Хотя ШРЦО и является организацией меньшинства рабочего класса Швеции, она, тем не менее, насчитывает в своих рядах 40,000 членов, издает две ежедневных газеты, имеет свою собственную типографию и имеет огромное влияние на ход событий в стране. Пять лет тому назад было заложено основание союзу молодежи, который теперь имеет свыше 5,000 членов, издает свой ежемесячный журнал и является одним из активнейших проводников революционных и анархических идей в гущу рабочей массы.

Под ударами экономического кризиса и враждебности социал-демократических союзов, большинство членов ШРЦО остаются без работы. Это обстоятельство вынудило приступить к организации „кооперативов". В настоящее время в одном Стокгольме имеется десять кооперативов, которые дают работу свыше тысячи безработным членам организации. Все работающие в кооперативах, независимо от характера работы, получают одинаковое жалованье. Конгресс постановил продолжать работу по организации кооперативов.

На Конгрессе было представлено свыше 700 местных организаций. Заседания конгресса происходили в одном из самых больших театров Стокгольма. С'езд открыл Главный Секретарь организации, тов. Андерсон. На с'езд приехало много представителей от организаций других стран, которые выступали с приветствиями. Представитель Международного Товарищества Рабочих обрисовал роль, которую играла ШРЦО в деле организации МТР, он указал на блестящие перспективы развития революционного синдикализма в недалеком будущем во всем мире и на ту важную роль, которую скоро будут играть организации, входящие в состав МТР, ибо Второй и Третий Интернационалы и их реакционные части будут играть такую же предательскую роль в будущей войне, какую они играли в прошлой. Представитель МТР призывал удвоить усилия в деле разоблачения „революционных" политиканов и в деле подготовки к анти-военной деятельности. После речи испанского делегата, представителя Нац. Конфедерации Труда, говорившего о геройской борьбе испанского пролетариата и о страданиях политических заключенных, конгресс принял резолюцию о поддержке жертв реакции, фашизма, и режима „отечества пролетариата".

ШРЦО ведет активную борьбу с немецким фашизмом, она успешно проводит бойкот, несмотря на подозрительное молчание, а иногда открытый саботаж со стороны вождей реформистских союзов. Проводимая кампания бойкота завоевывает симпатии рабочих реформистских социалистических союзов. В результате проводимого бойкота, со шведских сцен исчезли германские фильмы.

Позицию с'езда в борьбе с фашизмом можно охарактеризовать словами одного из делегатов, который заявил: „говоря о фашизме, обязанность всех организаций прямого действия бороться с ужасной идеей, насаждаемой „революционными" политиканами, что борьба против фашизма должна вылиться в настоящую войну против Третьего

Райха“. Вместо этого мы должны пропагандировать принцип интернационального пролетариата и революционного анти-милитаризма.

Самым важным вопросом с'езда был вопрос о подготовляющейся новой войне. При обсуждении этого вопроса опять было указано на предательскую роль Второго и Третьего Интернационалов в подготовляемой кровавой игре, которые во время мира играют роль миротворцев, а во время войны становятся самыми лучшими организаторами рабочего класса, чтобы толкнуть его в капиталистическую бойню, как это делал Второй Интернационал в 1914 г. и как подготовляется это делать в недалеком будущем Третий Интернационал.

„Сегодня“, сказал Иенсен, который был осужден на тюремное заключение в 1905 г. за антимилитаристскую деятельность, „сегодня положение ничем не отличается. Социалистическая демократия Швеции снова открыто говорит о необходимости вмешательства в военные события в интересах Лиги Наций или против германского фашизма. Это возлагает на нас, синдикалистов, обязанность предостеречь рабочих от предательства шведской социалистической демократии“.

Коммунистическое движение, контролируемое русской партией, превратилось в пропагандистскую машину, подстрекающую массы к войне с фашистской Германией. Тоже самое фактически делают и социал-демократы, т. е. пролетариат толкают совершить ту же самую ошибку, которая была совершена в 1914 г. Война против германск. фашизма приведет к еще более злейшему фашизму подобно тому как война во имя спасения демократии и уничтожения милитаризма привела к еще более сильному милитаризму и более ужасной реакции. Новая война приведет к диктатуре сабли. Нужно быть почти лунатиком, чтобы верить, что государственный социализм может бороться с фашизмом, когда он сам ведет к фашизму. Только антифашистские силы внутри фашистских стран могут успешно бороться против фашизма во всех его формах. Если рабочие не могут предотвратить войну, то они должны постараться превратить империалистическую войну в войну рабочего класса против империализма и фашизма. Конгресс призывает шведских рабочих бороться против войны всеобщей стачкой, бойкотом военной промышленности и быть готовым пострадать за свои действия. Конгресс ассигновал средства на издание 200,000 брошюр антимилитаристского содержания.

5,000 юных синдикалистов, воодушевленных анархическими идеями, представляют могущественную организацию, с великолепным боевым настроением. Это новая надежда анархического движения всего мира.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Дело Ферреро и Саллито

Из прошлого номера „Дела Труда“ наши читатели знают о сути дела итальянских товарищей ФЕРРЕРО и САЛЛИТО. Дело очень простое — они дали анархической газете „Мен“! право пользоваться их адресом и на их ресторан шла вся корреспонденция газеты „Мен!“ Затем один из них был председателем на дебатах о Ван дер Луббе. Вот все их преступление против правительства штата Калифорнии. Судья приговорил их к высылке в Италию, где им грозит, как анти-фашистам, долголетнее тюремное заключение. Нужно отметить, что Ферреро прожил в этой стране уже 30 лет, а Саллито — 15 лет, женился на американке и имеет ребенка.

Такое возмутительное попирание властями самых элементарных человеческих прав вызвало протест со стороны всех прогрессивных элементов, которые в этом произволе увидели угрозу всем гражданским правам и вольностям в Соед. Штатах.

В Сан-Франциско был организован „Вспомогательный Комитет Защиты“,

(Auxiliary Defense Committee, A. B. Botti, 590 Duncan St., San Francisco, Cal.),

в который вошли: Америкен Сивил Либертис Юнион, Индустриальные Рабочие Мира, Интернациональная Группа, Интернейшинал Ледис Гармент Воркерс Юнион, Беспартийная Рабочая Защита (Троцкисты), Пролетарская Партия, Социалистическая Партия, Том Муни Молдерс Дефенс Коммитти, Рабочая Партия.

Этот Комитет организовал 2-го Июля массовый митинг протеста в Сан-Франциско, на котором распространялась листовка Комитета — „Новая Инквизиция“.

На митинге была принята резолюция протеста следующего содержания: „Высылка Винсента Ферреро и Доминика Саллито есть нарушение принципов свободы мысли, речи и печати, принципы, на которых построены Соединенные Штаты;

Высылка Ферреро и Саллито, легально проживавших в этой стране, один тридцать лет, а другой пятнадцать, противоречит давно установившемуся обычаю, предоставляющему политическое убежище преследуемым;

Такая депортация, в условиях принятого Италией специального закона, равносильна выдаче двух людей, которым, по прибытию в Италию, грозит, как политическим беженцам, если не потеря жизни, то пятнадцатилетнее тюремное заключение;

Данные, на основании которых предписывается высылка, — председательствование на диспуте о революционной честности Маринуса Ван дер Луббе и сдача в аренду части помещения газете „Мен!“ — недостаточны;

Кампания запугивания, которая ведется против читателей газеты „Мен!“, есть явление не-американское, несправедливое и прямое нарушение принципа свободы печати, гарантированного конституцией.

Собравшиеся на митинге обращаются к правительству Соед. Штатов отменить распоряжение о высылке Винсента Ферреро и Доменико Саллито и прекратить кампанию запугивания читателей анархической газеты „Мен!“

Собравшиеся на митинг обращаются ко всем социальным и политическим группам всего мира предать это дело гласности и протестовать против несправедливого приказа о высылке и застращивания читателей „Мен!“

Копии этой резолюции препроводить Президенту Соед. Штатов, Министру Труда, Коммиссионеру по иммиграционным делам и в прессу“.

Этот Комитет выпустил вторую листовку — „Должны ли эти два человека быть выданными Италии?“

Коммунисты отказались принимать участие в защите Ферреро и Саллито

„Лэйбор энд Сошалист Пресс Сервис“ сообщает, что Коммунистическая Партия была приглашена принять участие на митинге, но она отказалась иметь что-либо общее

с об'единенными усилиями пред'отвратить депортацию двух радикалов.

Больше того, Мак-Келвей сообщает в „Индострил Воркер" следующее:

„Все организации послали своих представителей за исключением Коммунистической Партии и Интернациональной Рабочей Защиты. Эти две организации на-отрез отказались принять участие. Они не только отказались принять участие, но Интернациональная Рабочая Защита, имевшая митинг в Редменс Холл, в Пятницу, 28 июня, отказалась даже прочитать извещение о митинге протеста против депортации этих двух человек".

Товарищи, бойкотируйте коммунистов, как сообщников американской реакции.

В Нью Иорке организован комитет по защите Ферреро и Саллито

В Нью Иорке 22-го июля было созвано совещание всех радикальных и либеральных организаций, на котором было решено создать, по примеру Сан-Франциско, об'единенный Комитет по защите Ферреро и Саллито.

Адрес Комитета:

Provisional Ferrero-Sallito Arrangements Committee, 45 W. 17th Street, New York, N. Y.

Этот Комитет уже провел две демонстрации на Юнион Сквер. Одна демонстрация состоялась 26-го июля, а вторая — 24-го августа. Комитет составился из следующих организаций: Американ Сивил Либертис Юнион, Главный Комитет Защиты Индустриальных Рабочих Мира, Беспартийная Рабочая Защита, Коммунистическая Лига Борьбы, Лига Защиты Иностранно-рожденных, Лига Революционной Рабочей Партии и анархические группы г. Нью-Иорка. Коммунистическая Партия и Интернациональная Рабочая Защита отсутствуют и здесь.

Товарищи, бойкотируйте компартию и интернациональную рабочую защиту, как сообщников американской реакции!

Комитет по защите Ферреро и Саллито организован в Чикаго.

По инициативе Главного Комитета Индустриальных Рабочих Мира, совместно с группой „Фри Сосаэти", 21 августа была созвана конференция всех радикальных и либеральных организаций по вопросу защиты Ферреро и Саллито. На конференции присутствовали следующие организации: Колумбия Клуб, Кук Каунти Сошалист Парти — Экзекутив, Кук Каунти Юнг Пиполс Сошалист Лиг, группа Фри Сосаэти, Главный Комитет Защиты И. Р. М., Дженерал Рекрутинг Юнион — бренч № 1, И. Р. М., Джуниор Ваблис Юнион, Беспартийная Рабочая Защита, Пролетарская Партия, 31 ворд Сошалист Парти, Саут Сайд Либертериен Групп. Из этих организаций и был составлен Комитет. Адрес Комитета:

Chicago Ferrero-Sallito Defense Committee,
2422 N. Halsted Street, Chicago, Ill.

На первом заседании Комитет постановил послать телеграмму Президенту Рузвельту, министру труда Перкинс и коммиссионеру по иммиграционным делам Даниэлю В. Мак-Кормику следующего содержания:

„Об'единенная конференция, имевшая место вчера, рассмотрела вопрос о предполагаемой высылке из Калифорнии в Италию Винсента Ферреро и Доминика Саллито, легально проживавших в этой стране один тридцать лет, а другой пятнадцать. Представители пятидесяти рабочих, социальных и политических организаций протестуют против выше указанной депортации, как несправедливой, основанной на недостаточных данных и противоречащей установленной Америкой свободе речи".

23-го августа на митинге, посвященном памяти Сакко и Ванцети, по предложению профессора Ловета, представителя Американского Союза Гражданских Свобод, была принята и послана по тем же адресам следующая резолюция:

„Сотни людей, собравшиеся на массовый митинг, требуют отмены приказа о высылке Ферреро и Саллито, законо-послушных, мирных жителей Калифорнии. Несправедливость предположенной высылки подрывает репутацию Америки, как страны политического убежища, крепости свободы речи и демократической терпимости. Мы не должны иметь другого Сакко-Ванцетти дела.

Митинг памяти Сакко-Ванцетти, Чикаго.

В начале сентября Комитет имеет в виду организовать большой массовый митинг протеста, который, вероятно, состоится в „Хул Хауз".

13-го сентября в „Хул Хаузе" состоялся массовый митинг протеста, на котором была принята резолюция об отмене депортации Ферреро и Саллито. Резолюция отправлена Президенту Рузвельту и г-же Перкинс.

Индустриальные Рабочие Мира присоединились к Международному Товариществу Рабочих

На последнем с'езде Индустриальных Рабочих Мира, который состоялся в ноябре прошлого года, обсуждался вопрос о присоединении к Международному Товариществу Рабочих. С'езд принял решение такого характера: дать возможность в течении нескольких месяцев ознакомиться всем отделам с основными принципами М. Т. Р., а затем вынести вопрос на референдум. Референдум состоялся в августе сего года. Согласно официальному заявлению Главного Комитета по Подсчету Голосов Референдума от 17-го августа 1935 г., опубликованному в „Идострил Воркер" (24 августа, № 82), все пять вопросов, поставленные на референдум, в том числе и вопрос о присоединении к М. Т. Р., приняты членским составом. *Таким образом, И. Р. М., после долгих лет колебаний и неудачных попыток создать свой собственный Интернационал, примкнул к Международному Товариществу Рабочих.*

Мы приветствуем это решение и сердечно поздравляем И. Р. М.

Добро пожаловать!

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда" — орган анархо-коммунистической мысли.

Всякая диктатура — деспотизм: разоблачайте большевистскую диктатуру и боритесь против нее.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

НА С'ЕЗДЕ О-ва РООВА.

31-го августа, 1 и 2 сентября 1935 г. на общественной фарме в Кэссвилле, Нью Джерзи, — близ Лейквуда — состоялся 9-й делегатский с'езд Русского Об'единенного Общества Взаимопомощи в Америке, на котором присутствовало 106 делегатов от 57 отделов и 3 делегата от Федерации русско-американской молодежи, примыкающей к обществу РООВА.

Прежде чем приступить к обозрению работ с'езда вкратце ознакомим читателей с самой организацией, на с'езде которой мы присутствовали. Ибо, посмотрев на заголовок, у читателя возникает вопрос: „Что представляет собою общество РООВА? Из каких элементов оно состоит. Каковы его задачи и цели?

Общество РООВА — это сокращенное название русских обществ взаимопомощи, об'единенных в одну федерацию, начала которой было положено в 1926 г. на с'езде в Филадельфии. Она состоит преимущественно из бывших „союзовцев", т. е. лиц, составлявших в свое время разбросанные по Соед. Штатам и Канаде радикальные союзы русских рабочих, гремевшие по всей Америке.

В связи с пореволюционной реакцией, возникшей после того, как большевики всадили нож в спину Русской Революции и свели нанет все ее завоевания, учредив вместо подлинного куммунизма тюремно-казарменное или государственное рабство в России, и в связи с нахлынувшей волной белой эмиграции, развернувшей широкую пропаганду за возврат к старому, — весь радикализм у некоторых „союзовцев" выдохся и перешел даже в шовинизм, но громадное большинство, восприняв ИДЕЮ взаимопомощи и безвластия, продолжает хранить свои прежние традиции и отстаивает идеологию и учение М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина.

Надо отметить, что в федерацию РООВА входят также церковные братства, напичканные в некоторой доле монархическим душком, но количество их, по сравнению с прогрессивной массой членского состава — ничтожно. Правое, реакционное крыло этой федерации обществ взаимопомощи, будучи хорошо организованным, имеет в своих руках главное правление и общественный печатный орган.

Задачи и цели общества РООВА определяются его уставом. Они сводятся к страхованию жизни, страхованию на случай болезни и культурно-просветительной деятельности, как устройство русских школ, лекций, докладов на разнообразнейшие темы, увеселительных вечеров и проч. В своей деятельности отделы РООВА автономны и связаны с центром лишь главным правлением, избираемым ежегодно на делегатских с'ездах, и общей кассой, находящейся при главном правлении, откуда роовцы получают пособия в случае болезни и посмертные; кассой же отдела распоряжается собрание членов, составляющих отдел.

РООВА отличается от другой русской организацией взаимопомощи РНОВ тем, что роовские отделы самостоятельны в своей деятельности, а рновские — подчинены центру, состоящему из большевиствующей головки, навязывающей им свою диктатуру и применяющей к ним все большевистские методы влияния и воздействия. В основу РООВА положен принцип добровольного соглашения, а в основу РНОВА — приказы начальства и давление сверху.

Членский состав общества РООВА — 4,000 человек, которые по своему социальному положению представляют на 99% бывших крестьян, а ныне американских рабочих, и около 1% составляет так называемая интеллигенция с монархическими душком и тенденциями или попросту — с реакционным настроением.

На 9-м делегатском с'езде РООВА были представлены два течения: реакционное и прогрессивное. Реакционеры, вступившие в церковные братства и успевшие их коекак обработать и склонить на свою сторону, представляли на с'езде хорошо организованную и тесно сплоченную группу, хотя в количественном отношении они были в меньшинстве. Прогрессисты же представляли собой на с'езде разбредшееся стадо, которое не знало, куда или за кем идти. Они были раздроблены и поэтому беспомощны, и роль их в работах с'езда оказалось ничтожной, хотя их было огромное большинство.

Каковы же были работы с'езда и в чем они заключались?

Из всех стоявших в порядке дня вопросов, подлежащих разрешению с'езда, наиболее важными надо признать следующие: общественная фарма и журнал „РВ.", реформа главного правления и районные организацион. комитеты.

Выяснились следующие факты: вопреки постановлению 7-го с'езда, поручившего правлению подыскать фарму и перед покупкой ее произвести референдум, при чем затраты на таковую не должны превышать 25,000 д., главное правление, нарушив основные постановления, купило фарму без соблюдения вынесенного с'ездом решения, оскандалило себя ее „открытием" и тем подорвало к себе доверие почти всего членского состава.

Со дня покупки фармы и по 1 июля 1935 г. главное правление РООВА вложило в нее без малого 64 тысячи долларов, из которых 45,000 д. взяты из посмертного фонда, восстановление которого потребовал страховой департамент, под контролем которого находятся все страховые общества. Правление, нарушившее основные принципы с'езда и тем потерявшее доверие членского состава, не может выполнить требований страхового департамента, так как никто не хочет покупать фармерских паев. Из 4,000 членов только 350 человек приобрели паи на покупку общественной фармы, а остальные не желают.

Не взирая на это грозное предостережение, главное правление, как установила ревизионная комиссия, не завело даже отчетности по форме, которая находится в полном запущении. Часто оно ездило на фарму в полном своем составе и, не устраивая там никаких общественных дел и не давая никаких распоряжений, не только пользовалось полным пансионом бесплатно, но получало за свои „труды" прогонные и суточные и брало по 9 дол. на каждого из общественной кассы. Все это еще больше подорвало доверие к главному правлению. Делегаты негодовали, но их ловко обошли и не дали говорить, т. к. правление считало, что страсти разгорятся и оно не сможет провести желательную резолюцию об обязательной покупке фармерских паев, чтобы этим удовлетворить требования страхового департамента.

Только при решении вопроса об обложении делегатам предоставили право сказать в двух-трех словах решение отделов, которые в огромном большинстве высказались „против насильственного обложения". С'езд удовлетворил

желание правления принятием резолюции, обязывающей отделы приобрести 10-долларовые фармерские пап пропорционально их членскому составу.

Решение это является скорее всего добрым пожеланием с'езда, имеющим не юридическое, а моральное значение. Оно может остаться решением на бумаге, если отделы, питающие недоверие к правлению, не пожелают внести следуюмую с них сумму, которую оно, пожалуй, давно получило бы, если бы не скомпроментировало себя в глазах членов и относилось более честно к общественным делам и средствам.

С общественным органом „РВ" получилась та же история, что и с фармой. Оказалось, что направление и содержание журнала не только не соответствует задачам и целям общества РООВА, но оно никуда не годится, что журнал не только не просвещает и не защищает интересов рабочих, из которых на 99% состоит общество РООВА, но развращает нравы, вредит обществу и затемняет сознание и что издается он ради шкурных интересов некоего г. Ильина, приглашенного правлением в главные руководители журнала с 20-долларовым окладом жалованья в неделю или 40 дол. за выпуск, не считая платы за экспедицию и статьи на странице РООВА. Кроме того, этот господин ездит еще по отделам (нью иоркским) и получает от главного правления проездные и суточные, определенные в 2 д. 50 с., за свои 3-минутные выступления, что было установлено ревизионной коммиссией.

Делегаты, недовольные „РВ", узнав на с'езде подлинные факты, были возмущены до глубины души, но и по этому вопросу им не дали говорить, т. к. правление боялось решительных осуждений разорительной политики по отношению к общественным средствам. Фактически вышло так, что с'езд не решал вопросов, а только выслушивал доклады правления, на разрешение которого они и передавались. На его решение и передан вопрос о „РВ". Делегаты с'езда играли чисто декоративную роль: им даже не разрешили дать доклады с мест, которые являются самым важным пунктом во всех общественных организациях.

Никаких реформ с'езд не произвел: старое правление осталось в прежнем своем составе — Комяков, Винслов и Шилай. От старого правления нельзя ожидать лучшей деятельности, чем та, которая была проявлена им в отчетном году. Делать какие-либо выводы мы не беремся, ибо считаем это делом самих читателей. В нашу задачу входило дать краткое обозрение главнейших работ с'езда и, полагаю, задача эта нами выполнена.

Обозреватель.

ЧИКАГО, Илл.
Пикник памяти Нестора Махно

По инициативе Чикагского Прогрессивного Клуба 28-го июля был устроен интернациональный пикник, посвященный памяти Нестора Махно, умершего год тому назад в Париже.

В устройстве пикника принимали участие еврейские, испанские, итальянские, греческие и американские анархисты. Пикник привлек сравнительно большое число товарищей и прошел довольно успешно. Тов. Гайнер выступил с речью, в которой обрисовал характер русской революции и роль Махно в ней.

Доход от пикника пошел на анархическую прессу и в фонд защиты высылаемых калифорнийским правительством двух итальянских товарищей — Ферреро и Саллито.

ОТЧЕТЫ

ОТЧЕТ
Редакционной Коллегии по издании журнала „Дело Труда", № 87.

ПРИХОД 115.35
РАСХОД 162.93
ДЕФИЦИТ 47.58

НЬЮ-ИОРК
ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „Д. Т."

Макаренко—1.25, Березовский—1.00, Вишняков—1.00, Загайгора—1.00, Данилюк—1.00, Буркевич—1.00, Лычак—1.00, Мурашко—1.00, Каминский—0.50, Семенок—0.25, Неизвестный—0.30, Мацигут—0.35. Самусин—1.50.

ОТЧЕТ
Группы Русских рабочих гор. Нью-Гевена, Конн. по пикнику 30-го июня, 1935 года

Уважаемые товарищи, высылаем вам денежный перевод на сумму 12.25. Эта сумма составилась следующим образом: из кассы группы пожертвовано в пользу „Д. Т."—7.50, за проданные экземпляры журнала „Д. Т.", № 84—2.20, за № 86—1.30. Всего за журнал—3.50. От тов. Г — ва из Вотербури за № 82 „Д. Т."—0.50. За литературу от тов. Арсенюка из Вотербури—0.75. Итого—12.25.

ПРИХОД: От буфета—111.53, от лотореи—13.75, от продажи оставшихся продуктов—7.50. Всего—132.78.

РАСХОД: По буфету и лотореи—98.43. Чистая прибыль—34.35.

От имени Группы Русских Рабочих Комитет По Устройству Пикника выражает сердечную благодарность всем посетившим пикник.

Комитет.

Ко всем группам „Дело Труда" и „Пробуждение"

Уважаемые товарищи, три месяца назад Комитет по об'единению двух федераций разослал по всем группам „Д. Т." и „П." решения Районной Конференции, состоявшейся 2 июня с. г. в Нью Иорке. За это время не все группы прислали свои мнения по решениям Конференции, касающимся всех групп обоих федераций. Это молчание групп не позволяет Об'единенному Комитету развернуть надлежащим образом работу по созыву с'езда обоих федераций. Поэтому Комитет обращается ко всем группам и отдельным товарищам с настоятельной просьбой поспешить с присылкой своих мнений о решениях Районной Конференции, о созыве с'езда и по вопросу об'единения.

Комитет обращает ваше внимание, товарищи, на то обстоятельство, что текущий момент открывает перед нами широкие перспективы организационной работы в массовых организациях и неорганизованной русской рабочей колонии. Использовать этот благоприятный для освободительного движения момент мы можем только в том случае, если сами будем об'единены и сосредоточим все наше внимание и усилия в одном революционном, а.-к. направлении, а посему призываем вас к деятельности, вынесению своих решений и присылке их Комитету по адресу:

Об'единенный Комитет.

Полный отчет Ред. Коллегии и отчет групп будут помещены в следующем номере.